

ДОКЛАДЫ
ГРУППЫ ВОСТОКОВЕДОВ НА СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

20 марта 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XVII

Н. И. КОНРАД

Надельная система в Японии

Изучение надельной системы в Японии в VII—X вв. должно вестись по двум основным направлениям, взаимно дополняющим друг друга:

1. Во-первых, необходимо выяснить, что такое эта надельная система сама по себе, каково ее конкретное содержание и как она должна быть определена с точки зрения своей социально-экономической сущности.

2. Во-вторых, необходимо выяснить ее историческое место — в двойном смысле: из чего она исторически выросла — и под влиянием каких факторов, и чем сменилась — опять-таки под влиянием каких исторических факторов.

Изучение этой системы тем более важно для японской исторической науки, что это изучение может пролить свет:

- 1) на вопрос возникновения японского феодализма,
- 2) на вопрос о рабовладельческом строе в Японии,
- 3) на вопрос о специфике процесса развития японского феодализма в целом.

Настоящая работа стремится разрешить первую из двух указанных вначале задач: мне хотелось бы в этой работе ответить на вопрос, что такое надельная система сама по себе — в своем конкретном содержании и в своей социально-экономической сущности. В виду известной законченности и законности этой одной темы, я считаю себя вправе опубликовать эту часть своей общей работы, полагая, что второй части должны предшествовать два подготовительных исследования:

а) изучение до-тайковского строя, обычно именуемого «эпохой разложения родового общества», и

б) изучение надельной системы в Китае, в особенности в эпоху Суй и Тан, а также в Корею.

Эти две предварительные работы, в значительной части уже подготовленные, в соединении с настоящей, позволяют в дальнейшем написать одну главу японской истории — одну из самых важных и труднейших.

Это же в свою очередь послужит первым материалом для суждения об одной из наиболее характерных и своеобразных форм восточноазиатского феодализма.

Я совершенно отклоняю от себя изучение вопроса о том, существовала ли надельная система в действительности. Это вопрос абсолютно праздный: существование надельной системы не только в статьях закона, но и на практике достаточно прочно засвидетельствовано историческими источниками (*Rikkokushi*, *Sandai jitsuroku*, *Ruijū sandaikyaku*, *Engishiki*, *Shoku-Nihongi*, *Ruijū kokushi*) и археологическими данными (обнаружение во многих местах старинных межевых знаков и следов землеустроительных работ в плане надельной системы). Упоминания о надельной системе, содержащиеся в исторических памятниках, уже давно очень добросовестно собраны такими авторитетными японскими учеными, как проф. Утида¹ и проф. Такигава;² подробное изложение археологических данных приводится даже в такой новейшей работе, как книга Хотта.³ Кроме того, совершенно нелепо считать, что все обширное законодательство, которое относится к надельной системе, не имело под собой никакой конкретной почвы. И, наконец, позволяю себе выдвинуть несколько других доводов: никто не сомневается в существовании Нарского и Хэйанского строя, но этот строй в целом мыслим только в связи с надельной системой, составляющей его неотъемлемую часть, более того — его базу; никто не сомневается в появлении в дальнейшем феодального поместья (*shōen*), но это поместье исторически выводится только из надельной системы; никто не сомневается в существовании надельной системы (система цзюньтянь) в Китае; так почему же то, что являлось вполне закономерным для одной восточноазиатской страны на определенном этапе ее исторического развития, не может быть в той или иной мере естественным и для другой восточноазиатской страны — для Японии, тем более, что это годилось на известный период и для третьей из главных стран Восточной Азии — для Кореи? Аналогия, конечно, не обязательна, но здесь дело не в аналогии, а в закономерности общего исторического процесса.

Я утверждаю, что вопрос сводится не к самому факту существования в Японии надельной системы, а к особенностям ее существования, к некоторому своеобразию ее развития. Эти особенности есть, и их-то и нужно объяснить.

¹ Uchida Ginzō. *Nippon keizaishi-no kenkyū*. Taishō, 10, т. II, pp. 107—276.

² Takigawa Masajirō. *Nippon hōseishi*, Shōwa, 3, pp. 118—131.

³ *Dai-Nihonshi kōza*, т. I (*Kodaishi*, *Nara jidai-shi*).

I

Сведения о надельной системе в Японии мы находим прежде всего в известном указе от 1-й луны 2-го года Тайка (646), изданном сейчас же после так наз. переворота Тайка (645), явившегося заключительным звеном длительной междоусобной борьбы сильнейших японских родов, борьбы, которая велась за землю, за людей, за общеплеменную политическую власть. Победителями в этой борьбе оказалась группа родов с родом Сумэраги в качестве своих вождей, и глава этого последнего рода с этого времени начинает носить — в качестве верховного правителя государства — титул «тэннō», сохраняющийся за японскими монархами и до настоящего времени и переводимый на европейские языки словом «император».

Указ 1-й луны 2-го года Тайка устанавливает основные положения нового государственного порядка. Если судить по «букве» закона и по его «духу», положения эти сводятся к следующему:¹

1. Вся земля объявляется государственной, т. е. принадлежащей государству, представителем и главой которого является император.

2. Все население объявляется государственным, т. е. подчиняющимся государству в лице его главы — императора.

Эти два основных положения, имеющие общеправовое значение и составляющие, так сказать, принципиальную базу указа, обусловили в указе наличие ряда конкретных законодательных мероприятий. Одни из них носят, так сказать, негативный характер, объявляя отмененным то, что противоречит этим общим положениям: так, объявляются подлежащими ликвидации все существовавшие до сих пор формы личного владения землей и людьми, в чьих бы руках эти земли и люди ни находились, — в руках ли членов императорского дома или представителей других домов (пункт 1-й указа). Вместе с этим отменяются и практиковавшиеся до сих пор различные виды податей и повинностей (пункт 4-й). Другие из этих законодательных мероприятий имеют конструктивный характер, намечая конкретные формы нового государственного устройства — как необходимый вывод из тех же общепринципиальных положений. Поскольку ликвидируются прежние формы управления землею и людьми, должны быть введены новые. Поэтому в указе намечается введение административного районирования страны на провинции (куни) и уезды (гун), с организацией в каждом таком районе особых органов управления — как представителей

¹ См. Nihonshoki, Kōtoku-ki, 2 г. Taika (см. Iida Takego, Nihoshoki tsūshaku, т. V, р. 3196).

общегосударственной власти. Такими органами должны быть провинциальные управления (кокуси) с губернатором (кокусю) во главе и уездные управления (гундзи) с уездными начальниками (тайрё) во главе. С другой стороны, поскольку отменялись все прежние формы владения землей, необходимо было ввести отношение к земле в новые правовые рамки. Эти рамки и были созданы в виде системы наделного землепользования, т. е. предоставления населению для обработки государственной земли в порядке наделов. Пункт 4-й указа говорит об этом и является, таким образом, юридическим началом надельной системы. Ее фактическому проведению кладет начало, надо думать, указ от 8-й луны того же 2-го года Тайка (646), где приводится уже распоряжение о раздаче надельных участков.

Заключительным этапом в развитии земельного законодательства после Тайка в духе принципов, провозглашенных указом 646 г., является земельный закон (та-но рё), составляющий IX раздел знаменитого кодекса Тайхорё (701). Здесь надельная система получает свой вполне разработанный вид. Однако для суждения о надельной системе одного этого земельного закона мало. Я утверждаю, что к рассмотрению должны быть привлечены еще другие части кодекса: закон о жалованиях (раздел XV) — полностью, закон о податях и повинностях (раздел X) — в своей большей части, и частично закон о дворах (раздел VIII). Без анализа всех этих законов нельзя ни выяснить конкретное содержание надельной системы, ни определить ее социально-экономическую сущность. В этом — то принципиально новое, что вводится в научный обиход настоящей работой. В дальнейшем я и перехожу к изложению в систематическом порядке содержания надельной системы в рамках тех данных, которые можно извлечь из этих трех законов. Во избежание недоразумений, должен предупредить, что характеристика всего послетайковского, т. е. Нарского и Хэйанского строя, конечно требуют привлечения данных всего кодекса, но задача данной работы — дать не картину строя в целом, а лишь его базы — надельной системы.

* * *

По общему положению вся земля является государственной собственностью и образует государственный земельный фонд. Официальной единицей измерения земельной площади считается 1 тан — мера, введенная кодексом Тайхорё взамен прежней меры — сиро. При переводе на метрические меры величина 1 тан, повидимому, равна около 0.12 га (см. ст. 1 земельного закона и примечание к ней). 10 тан составляют 1 тё, что равно, следовательно, около 1.2 га.

Государственный земельный фонд распределяется среди населения в порядке наделов, причем основным, наиболее массовым видом надела является подушный (кубундэн). Этот подушный надел получает все население страны, но в различных размерах.

1) Этот размер зависит, во-первых, от социальной принадлежности наделяемого, является ли этот последний принадлежащим к полноправному населению (так наз. «доброму народу» — рёмин 良民) или к неполноправному (так наз. «подлому народу» — сэммин 賤民). Разумеется, первые получают больше, вторые меньше. При этом и для «подлых» размеры надела также различны, находясь в зависимости от принадлежности к той или иной из внутренних категорий, на которые распадалось это неполноправное население: несвободные, принадлежащие государству, получают полный надел; несвободные, принадлежащие частным лицам, всего $\frac{1}{3}$ полного надела.

2) Этот размер зависит, во-вторых, от пола: мужчины получают полный надел, женщины $\frac{2}{3}$ мужского надела.

3) Этот размер зависит, в-третьих, от качества земли: плохая земля дается в двойном размере.

4) Размер надела зависит, в-четвертых, от количества пахотных земель в данном районе. Если земли мало, надел может быть по необходимости уменьшен. Это правило, однако, не имеет обратного действия: при наличии большого количества пахотных земель давать надел сверх положенного размера не разрешалось.

Таким образом, земельный закон Тайхōрё в части, касающейся подушных наделов, предусматривает наличие двух социальных категорий — полноправное и неполноправное население, во-первых, наличие двух категорий неполноправных — рабов государственных и рабов частных, во-вторых. Этот закон, далее, проводит различие между мужской частью населения и женской, ставя женскую половину на низшее место (раздел IX, ст. 3 и 27). Этот закон устанавливает понятие хорошей или плохой земли (ст. 3). И наконец, этот закон считается с наличием «многоземельных районов» (хироки-гō), где земли много, а жителей сравнительно с этим мало, и «малоземельных районов» (сэмаки-гō), где, наоборот, земли мало, а население густое (ст. 13).

Сводя все эти признаки воедино, мы получаем следующую шкалу подушных наделов:

1. Стандартный размер наделов для полноправного населения:
 - на душу мужского пола — 2 тава (0.24 га),
 - на душу женского пола — $1\frac{1}{3}$ тава (0.16 га).

2. Стандартный размер наделов для неполноправного населения:

- а) государственные рабы (всех категорий) — в размере наделов свободных, т. е.
 на душу мужского пола — 2 тана (0.24 га),
 на душу женского пола — $1\frac{1}{3}$ тана (0.16 га).
- б) частные рабы (всех категорий) — в размере $\frac{1}{3}$ надела свободных, т. е.
 на душу мужского пола — $\frac{2}{3}$ тана (0.08 га),
 на душу женского пола — $\frac{4}{9}$ тана (0.05 га).

Как было уже указано, при плохой земле размеры надела удваивались (ст. 3). При общем недостатке земель в данной местности надел давался в размере, фактически допускаемом малоземельем (ст. 3). Впрочем, в последнем случае закон открывал возможность переселения в другие районы, где земли много, а жителей мало, и где можно поэтому получить полагающийся надел полностью.

С точки зрения надельной системы основной единицей населения, с которой закон имел дело, являлся двор (ко 戸). Это видно из того, что наделы отводились по существу на двор, а не на отдельных лиц. По закону надел получали все члены двора, достигшие 6-летнего возраста (ст. 3). Это означало, что наделы давались и на детей, которые не могли, конечно, самостоятельно получать свой надел и отвечать за него; это делали за них взрослые члены семьи. Это видно из того, что кроме пахотной земли, получаемой хотя и на двор в целом, но все же по числу душ, его составляющих, уже прямо на двор в целом отводились особые усадебные участки (разд. X, ст. 15 и 17), причем размеры этих участков определялись не числом душ, а наличием земель в данной местности (разд. IX, ст. 15). Это видно из того, что наделы на рабов фактически получали их хозяева, т. е. опять-таки двор: по точному указанию закона частные рабы не имели права образовывать самостоятельный двор, а включались в состав двора своего хозяина (разд. VIII, ст. 35).¹

Таким образом, земельное хозяйство двора слагалось: из пахотных угодий, получаемых соответственно числу душ — как свободных, так и несвободных, — начиная с 6-летнего возраста; 2) из садовых участков и усадебной земли, получаемых на двор в целом. Первые отходили в казну со смертью их владельца, вторые — лишь в случае исчезновения двора, как такового. Периодическому пересмотру подлежала, следовательно,

¹ См. также Taihōryō shinkai, p. 233.

только первая категория земель — пахотные угодья, т. е. подушные наделы, и такой пересмотр по закону должен был производиться раз в 6 лет. В этот «передельный» год (ханнэн 班年) проверялись подворные списки, вычеркивались умершие за этот срок, вносились вновь родившиеся; соответственно этому от каждого двора либо отбирали часть земли в казну, если число умерших оказывалось больше, чем число родившихся; либо, наоборот, прирезывали новые участки, если родившихся оказывалось больше; либо же оставляли то же количество, если общий баланс смертности и рождения сходился (разд. IX, ст. 23).

В связи с наличием двух категорий угодий, получаемых двором, различалась и форма распоряжения ими. Пахотные земли, т. е. подушные наделы в точном смысле этого слова, по закону продавать было нельзя; садовые же участки, а также усадебные, можно было и продавать и отдавать в аренду. Правда, государство сохраняло за собою право контролировать и регулировать эти операции: как при сдаче в аренду, так и при продаже этих участков необходимо было испрашивать разрешение местных властей. Есть основание предполагать, что право сдавать в аренду распространялось и на некоторые угодья, т. е. на наделные земли. Таким образом, земельный закон Тайхōрѣ по существу предусматривал две формы юридического отношения к земле: право пользования — в отношении пахотных наделов и право распоряжения — в отношении садовых и огородных участков. Возможно, что частично, в ограниченном виде — в форме краткосрочной (на 1 год) аренды — право распоряжения распространялось и на пахотные земли. В связи с этим можно говорить о пожизненном пользовании пахотными угодьями и наследственном владении садовыми и усадебными участками, поскольку первые отбирались в казну только со смертью лица, имевшего надел, вторые же переходили к его наследникам, и если отходили в казну, то уже только в случае полного исчезновения всего двора в целом, т. е. как выморочное имущество. Это означает, что, строго говоря, принцип государственной собственности на землю фактически распространялся только на пахотные угодья.

Особое положение садовых и усадебных земель несомненно определялось самой их природой: если пахотные земли обрабатывались каждый год заново, то эксплуатация садовых участков — в особенности, если на них разводились, как это полагалось по закону (разд. IX, ст. 16), тутовые и лаковые деревья, — могла осуществляться только при длительном пользовании ими. Также, естественно, недвижимым имуществом оставались и участки под постройками.

Если в какой-нибудь местности, по удовлетворении всего населения требующимися наделами, оставались еще свободные пахотные земли, они входили в государственный пахотный фонд (кōдэн 公田) и подлежали сдаче в аренду желающим из населения, как гласит закон, — «по ценам, существующим в данной местности» (разд. IX, ст. 11), причем арендная плата шла непосредственно в Дадзёкан, т. е. в высшее правительственное учреждение.

Повидимому, здесь были возможны две формы аренды: 1) со внесением платы вперед, т. е. покупали право обработки определенного участка и пользования всем полученным урожаем; 2) с последующим отчислением в качестве арендной платы части урожая. Срок аренды свободных государственных пахотных угодий в ст. 11 земельного закона Тайхōрёё особо не оговорен. Обычно считают, что этот срок указан в ст. 19, где дана цифра в 1 год, но по моим предположениям эту цифру нужно относить в первую очередь к случаям аренды наделных участков.¹

Равным образом, при указании на репрессии, угрожавшие сдающим в аренду на срок свыше 1 года, всегда оказывается, что речь идет о сдаче в аренду наделных участков. В виду этого возможно, что аренда государственной земли могла и не ограничиваться этим годичным сроком, даже по букве закона.

Остающийся от аренды свободный фонд пахотной земли обрабатывался, поскольку это было возможно, «казенной рабочей силой» (кōрики 公力), как гласит закон (разд. IX, ст. 34), т. е., повидимому, государственными рабами, или, если это оказывалось невозможным или недостаточным, и привлекаемым в порядке рабочей повинности населением. Если же и это оказывалось почему-нибудь невозможным, и пахотные угодья, оставшиеся на руках у государства, не обрабатывались и такое положение тянулось не менее трех лет, — эти земли «как заброшенные» (арэта 荒田) могли просто передаваться желающим из населения, повидимому, совершенно безвозмездно, только с обязательством через 6 лет вернуть их в казну (разд. IX, ст. 29).

Указанный фонд состоял из пахотных, т. е. уже обработанных земель. Однако в некоторых местностях могло оставаться еще известное количество земель совершенно не тронутых обработкой, т. е. целина. Эта целина также могла отдаваться населению для возделывания (разд. IX, ст. 29), причем закон никак не оговаривает ни сроков, ни условий, на

¹ См. ниже, примечание к ст. 19 Земельного закона.

которые такие земли предоставлялись. Об обратном отходе этих земель в казну говорится только в связи со случаями забрасывания этого участка взявшим его: в таких случаях участок снова отходит к государству. Судя по последующей практике, эти участки были вообще освобождены от всякого обложения, и все дальнейшие уточнения этого пункта касаются только сроков пользования ими. Так, в указе 7 г. Ёрō (713) указывается на то, что обработанных земель нехватает и что поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы население бралось за распашку целины. При этом в целях поощрения такой распашки определялось, что если кто-нибудь обработает новую землю, используя уже существующую оросительную сеть, он может пользоваться этими новыми полями пожизненно; если же ему придется при разработке этих полей соорудить заново всю оросительную систему, т. е. употребить значительно большее количество и сил и средств, — эти новые поля сохраняются за его семьей в течение трех поколений. Повидимому, расширение обрабатываемой площади диктовалось настоятельной необходимостью и было подогрето стихийным стремлением к этому, так как один за другим следуют указы, подтверждающие и развивающие закон 723 г.: таков указ 1 г. Тэмпё (729), указ 15 г. Тэмпё (743), указ 1 г. Тэмпё-дзингō (765) и др. Из них указ 743 г. имеет решающее значение: он отдает разработанную новью, так наз. «новые поля» (кондэн 墾田), в вечное наследственное пользование лиц, их разработавших, иначе говоря, — устанавливает в системе надельного землепользования участок, где уже законом признается явная земельная частная собственность, т. е. подрывается самый принцип государственной собственности на землю. Мотивировалось это постановление тем, что иначе обработка земли будет вестись хищническим способом, перед возвращением в казну земли окажутся опустошенными; кроме того выдвигалось и то соображение, что при необходимости все-таки рано или поздно сдавать земли в казну население неохотно берется за трудное дело — разработку новых полей. Однако основной причиной появления закона 743 г. следует считать стремление тех, кто эти новые поля брал, закрепить их прочно в своих руках.

Обладание надельными землями накладывало на их хозяев различные обязательства перед государством.

Прежде всего они должны были обрабатывать эти земли. Закон (разд. IX, ст. 19) гласит, что если поле окажется заброшенным в течение 3 лет и более, оно может быть передано другому лицу и только через 3 года может быть возвращено прежнему владельцу. Также в обязательном порядке должны были возделываться и садовые участки: на них пола-

галось разводить тутовые и лаковые деревья в количестве, строго нормированном и зависящем от величины двора: наиболее многочисленные, так наз. «большие дворы», должны были в течение 5 лет развести не менее 300 тутовых и 100 лаковых деревьев; «средние дворы» — не менее 200 тутовых и 70 лаковых; «малые дворы» — не менее 100 тутовых и 40 лаковых (разд. IX, ст. 16), — разумеется там, где это было возможно по условиям климата, почвы и обработки.

Эти обязательства обработки имели определенную цель: государственный земельный фонд раздавался населению в виде наделов с тем, чтобы он приносил государству определенный доход. В виду этого как пахотные, так и усадебные земли были обложены налогом.

Пахотные угодья были обложены зерновым налогом. Налог этот исчислялся не с урожая, а с площади. Стандартной единице площади — 1 тан соответствовала стандартная цифра налога — 2 коку 2 ха риса. Цифра эта оставалась постоянной во всех случаях, т. е. качество почвы и зависящие от этого размеры урожая в расчет не принимались. Законодатель исходил, повидимому, из обычного урожая с земли высшего качества, каковой равнялся, как предполагают, 72 коку. Это означало, что налог в этом случае может быть и действительно равнялся 3% урожая,¹ но в дальнейшем процентное отношение налога к урожаю значительно повышалось, поскольку абсолютная цифра урожая все время шла кнпзу, а налоговая ставка оставалась прежней.

Одновременно с этим основным земельным налогом все население должно было вносить известное количество зерновых продуктов в государственный запасный зерновой фонд, по идее долженствующий служить гарантией на случай всяких стихийных бедствий. Вносить в этих случаях полагалось просом по особой шкале, установленной для каждого из 9 разрядов дворов, а именно: дворы 1-го разряда должны были вносить 2 коку проса, 2-го разряда — 1 коку 6 то, 3-го разряда 1 коку 2 то, 4-го разряда — 1 коку, 5-го — 8 то, 6-го — 6 то, 7-го — 4 то, 8-го — 2 то, 9-го — 1 то (Тайхōрē, разд. X, ст. 6). Если просо заменялось другими зерновыми продуктами, то 1 то проса соответствовал 2 то риса, 1 то 5 сё ячменя, 2 то пшеницы, 2 то «больших бобов», 1 то «малых бобов». Все это должно было вноситься одновременно с основным налогом. Необходимо попутно отметить, что в этих случаях разряды дворов устанавливались, повидимому, не по признаку количества членов, как это делалось при опре-

¹ См. ниже, примечание к ст. 1 Земельного закона.

делении требуемого количества тутовых и лаковых деревьев, а по признаку достатка: так, например, двором 1-го разряда считался двор, собиравший 1000 коку риса, двором 9-го, т. е. последнего разряда, считался двор, собиравший только 20 коку риса.¹

Земельный налог составлял всего лишь первый вид обязательств населения. Кроме него существовали подать и рабочая повинность.

Податям посвящен специальный «закон о податях и повинностях» (раздел X кодекса Тайхōрё), дающий как их подробную номенклатуру, так и порядок взимания. Согласно этому закону каждый двор должен был соответственно числу взрослых своих членов мужского пола в трудоспособном возрасте, т. е. от 17 до 65 лет, вносить в казну шелковые ткани различных сортов (кину и арагину), шелк-сырец, шелковую вату и холст. Норма сдачи зависела от возраста, который с точки зрения трудоспособности разделялся на три категории: 1) возраст полностью трудоспособный — с 21 до 60 лет; 2) возраст, признаваемый трудоспособным только наполовину, — от 61 до 65 лет, 3) возраст, когда человек считается трудоспособным только на 25%, — с 17 до 20 лет. Мужчины в первом возрасте были для закона «совершеннолетними 1-го разряда» (正丁), во втором возрасте — «стариками» (老) или «совершеннолетними 2-го разряда» (次丁) и в третьем возрасте — «подростками» (中男).

Основная ставка делалась на «совершеннолетних 1-го разряда», т. е. на основные рабочие кадры населения. Она равнялась: шелка-кину и шелка-арагину — 8 сяку 5 сун (мино'ского шелка-арагину 6 сяку 5 сун); шелка-сырца — 8 рё, шелковой ваты — 1 кан, холста — 2 дзё 6 сяку (если холст сорта «мадануно» — 1 дзё 3 сяку). «Старики» вносили половину этих количеств, «подростки» — одну четверть.

Этот перечень имел прежде всего в виду те случаи, когда подать действительно вносилась указанными тканями или материалом для них. Но этим не ограничивалось его значение. Приведенные количества играли роль основных ценностных норм при расчетах податей, если таковые вносились какими-нибудь другими предметами. Закон же предусматривал не только возможность, но и прямую неизбежность внесения податей другими предметами: во-первых, потому, что не везде можно было разводить тутовые деревья, коноплю и другие волокнистые растения и не везде было развито ткацкое ремесло; во-вторых, потому, что для государственного хозяйства, для хозяйства императорского двора в первую очередь, —

¹ Taihōryō shinkai, p. 282.

требовались и другие предметы; наконец, в-третьих, потому, что отобрание в виде подати некоторых предметов, как, например, орудий производства — железных мотыг, составляло одну из основных предпосылок всего социально-политического режима. В виду этого закон, считаясь с местными условиями и задачами правящего класса, предлагает вносить в качестве основных видов податей, кроме перечисленных, железо, железные мотыги, соль, рыбу, съедобные раковины и водоросли, иначе говоря — основные земледельческие орудия, а также материал для их изготовления, и главнейшие пищевые продукты. В качестве дополнительных податей фигурируют: красильные вещества, растительное волокно, растительное масло, животные жиры, лак, материал для плетений, различные изделия — цыновки, тростниковые покрывки, сита, бочки и т. п. (раздел X, ст. 1). Все это, однако, исчислялось применительно к первому виду податей, т. е. к тканям: норма, установленная для тканей, служила мерилем для исчисления норм сдачи всех прочих предметов.

Кроме земельного налога и подати, население было обязано и рабочей повинностью. Основные правила привлечения к этой повинности и условия ее отбывания изложены также в Законе о податях и повинностях (раздел X). Рабочей повинности подлежало мужское население в двух разрядах трудоспособного возраста: «совершеннолетние 1-го разряда», т. е. в возрасте от 21 до 60 лет, и «совершеннолетние 2-го разряда», т. е. в возрасте от 61 до 65 лет. Подростки от 17 до 20 лет, обложенные податью, к рабочей повинности не привлекались. Срок отбывания этой повинности был установлен в 10 дней в году для основной категории и в 5 дней для дополнительной категории. Подлежащим этой повинности разрешалось откупаться от нее внесением дополнительной подати в 2 дэё 6 сяку холстом за полные 10 дней (из расчета 2 сяку 6 сун за 1 день работы). Можно было, повидимому, вносить и другими предметами, как при обычной подати, но так, чтобы это по стоимости соответствовало указанному количеству холста. На ряду с этим разрешалось и выставять вместо себя заместителя — своего раба или даже наемника — из числа жителей данного уезда, как гласит закон (раздел X, ст. 4). Правительство, очевидно, стремилось привлекать население к этим работам и задерживать на них: по крайней мере закон устанавливает, что за каждый лишний проработанный день делается соответствующее уменьшение налога и податей, а при работе в течение 30 дней сверх положенного срока целиком снимаются и земельный налог и подати. Однако, с другой стороны, более 40 дней задерживать на таких работах не разрешалось (раздел X, ст. 4).

Таков был основной вид рабочей повинности. Наряду с ним существовали и другие виды. Население могло привлекаться к так наз. «разным работам» (zatsuyō 雑徭) — главным образом для ремонта и проведения оросительных сооружений. Особых нормирований такого привлечения не было: закон говорит только, что работу в таких случаях надлежит распределять поровну и не задерживать на ней более 60 дней (разд. X, ст. 37), попытки к чему со стороны властей, надо полагать, были. Особо происходил набор слуг на работу в правительственные учреждения. Для этой цели от каждых 50 дворов, т. е. от основной административной единицы — так наз. селения, брали двоих мужчин. Срок службы их определялся в 3 года. Бралась и женская прислуга: от 1 до 4 женщин от каждой провинции, в зависимости от величины («разряда») этой провинции (разд. X, ст. 38). Наконец, производился набор на всякие строительные работы — на срок до 50 дней в свободный от сельскохозяйственных работ сезон и на срок не более 30 дней в период сельскохозяйственных работ (разд. X, ст. 22). Широко привлекались к рабочей повинности ремесленники: они изготовляли для государства различные предметы кузнечного ремесла — топоры, мотыги, серпы, различные деревянные изделия и т. п. (разд. X, ст. 24). Таким образом 10-дневная работа была лишь наиболее общей формой рабочей повинности; наряду с ней существовала и другая и притом гораздо более обременительная; наиболее тяжелым для населения было, повидимому, привлечение к «разным работам», обстановка которых допускала больше всего произвола, поскольку никаких особых регламентаций этой работы как по части набора, так и самой работы, повидимому, не было; закон говорит только о «распределении поровну» и о 60-дневном сроке. О том бремени, какое представляла для населения эта повинность, косвенно свидетельствуют некоторые правительственные указы, вынужденно снижающие этот срок до 30 дней; таковы указы 1 г. Тэмпё-хōдзи (757) и 14 г. Энряку (795). Впрочем, действие этих указов было весьма кратковременным и очень скоро прежний срок снова восстанавливался.

От несения рабочей повинности из рядового населения освобождены были только фактически нетрудоспособные, а именно: мальчики до 16 лет, престарелые — от 66 лет, лица с физическими недостатками и больные неизлечимыми болезнями, лишавшими трудоспособности. Не привлекались к рабочей повинности и женщины, если не считать очень ограниченного набора прислужниц. Не привлекались и частные рабы (разд. VIII, ст. 5): эксплуатация рабов предоставлялась их владельцам непосредственно. Закон содержит указания и на освобождение от повинности и всех налогов и пода-

тей и «почтительных сыновей», «послушных внуков», «справедливых мужей» и «верных жен», — словом, лиц, преуспевающих в стандартных добродетелях (разд. X, ст. 17). Но это освобождение, разумеется, ничего существенного в картину налогов и повинностей не вносило.

Приноровительно к этой системе налогов, податей и повинностей была построена и организация крестьянского двора и деревни: она была построена так, чтобы наилучшим образом обеспечить поступление налогов и податей и отбывтие повинностей. Согласно специальному «закону о дворах» (разд. VIII кодекса Тайхōрē) все дворы делились на подлежащие податям и повинностям (課口) и неподлежащие податям (不課口). Во главе двора стоял «хозяин двора» (戸主), в каковой роли выступал обычно «глава семьи» (家長). Этот хозяин был в первую очередь ответственным за выполнение всех налогов, податей и повинностей (разд. VIII, ст. 5). Бóльшей единицей являлось «пятидворье» — объединение из 5 соседних дворов (五保). Во главе его стоял свой старшина (長) и ему вменялось в обязанность следить за всем, что происходит в пределах «пятидворья», в частности, следить за тем, чтобы не совершалось никаких нарушений закона; ему же нужно было немедленно докладывать о всяком прибытии из других мест, о всяком, остановившемся на ночлег; равным образом ему должны были сообщать и о всяком отпращивании члена пятидворья куда-нибудь из пределов селения. Иными словами, роль старшины пятидворья сводилась к надзору за всякими передвижениями населения, что имело своей основной целью борьбу с бегством с земли. Эти же старшины должны были следить и за выполнением дворами их обязательств перед государством (разд. VIII, ст. 9). Высшее наблюдение за сбором налога, внесении подати и отбыванием рабочей повинности находилось в руках сельского старосты (里長). Согласно кодексу (разд. VIII, ст. 1) каждые 50 дворов или 10 пятидворий составляли «селение» (里), во главе которого стоял староста (里長). На его обязанности было: «вести перепись населения по каждому двору и содействовать развитию земледелия и шелководства», т. е. попросту следить, чтобы население обрабатывало предоставляемую ему казенную землю; наблюдение за преступностью и руководство сбором налога, податей и выполнением рабочей повинности (разд. VIII, ст. 1). Эти три лица — хозяин двора, старшина пятидворья и сельский староста и составляли ближайший аппарат по наблюдению над выполнением населением своих обязанностей перед государством.

Правительственный аппарат, в ведении которого находилась наделная система со всеми примыкающими к ней институтами, состоял в основе из

двух ведомств. Первое из них — Мимбусё (министерство по делам населения) ведало переписью населения, составлением налоговых списков и всем, что относилось к земледелию. Второе — Окурасё (министерство сокровищ) ведало податями. Основным материалом для этих ведомств служили подворные реестры, в которые вносились все сведения, нужные для наделения земель, налоговизимания и привлечения к рабочей повинности. В эти списки вносились все члены двора, распределявшиеся по возрасту следующим образом (разд. VIII, ст. 6): 1) до трех лет — младенцы (黄), 2) от 4 до 16 лет — отроки (少), 3) от 17 до 20 лет — подростки (中 男), 4) от 21 до 60 лет — совершеннолетние (丁), 5) от 61 до 65 лет — старики (老), 6) от 66 лет и выше — престарелые (耆). Как сказано выше, трудоспособным считались три возраста — подростки, совершеннолетние и старики, но в виду того, что трудоспособность каждого из этих трех возрастов была различна, основным возрастом, несшим все повинности, считались мужчины от 21 до 60 лет, называвшиеся с этой точки зрения «совершеннолетними 1-го разряда» (正 丁); «старики», т. е. мужчины в возрасте от 61 до 65 лет, считались наполовину трудоспособными и назывались «совершеннолетними 2-го разряда» (次 丁); подростки, т. е. мужчины в возрасте от 17 до 20 лет (中 男), привлекались только к сдаче податей и то в размере $\frac{1}{4}$ нормы, полагающейся на «совершеннолетних 1-го разряда». Отдельно в подворные реестры вносились слепые, глухие, калеки, неизлечимобольные и т. п., т. е. все нетрудоспособные. Из этих подворных списков очень хорошо видно, что правительство, т. е. правящий класс подходил к населению преимущественно с одной стороны: с кого, сколько и что можно было взять. Разумеется, эти списки были нужны и для раздачи наделов, но эта раздача имела ту же цель: потребовать в дальнейшем от получивших наделы выполнения определенных обязательств. Коротко говоря, законодательство целиком оправдывало поговорку: «есть земли — есть налог; есть двор — есть подать; есть человек — есть повинность».

* * *

Все изложенное выше касается рядового населения — крестьянства, а также отчасти неполноправного населения — рабов. Это, однако, лишь одна сторона надельной системы. Подушные наделы составляют лишь одно ее звено, ими она не исчерпывается; кроме них она знает еще ряд особых наделов. Это — наделы: 1) ранговые, 2) должностные, 3) полученные за заслуги и 4) жалованные.

Ранговые наделы (разд. IX, стр. 4) были присвоены каждому рангу (位) и давались, следовательно, лицам, состоящим в том или ином ранге, т. е. входящим в верхнее сословие тогдашнего общества. Всего рангов было 48; из них — 4 ранга старших принцев, 14 рангов младших принцев, 30 рангов для прочих. Кроме этих обычных рангов существовали особые ранги «за заслуги» (勳位) — всего 12 степеней. Величина ранговых наделов зависела от ранга и колебалась от 8 до 80 тē (9.6—96 га).

Должностные наделы были двух видов: должностные наделы для высших чиновников центрального аппарата (раздел IX, ст. 5) и должностные наделы для чиновников местной — провинциальной и уездной администрации (раздел IX, ст. 31, 32). Размеры этих наделов также зависели от должности и колебались от 6 тан до 40 тē (0.7—48 га).

Наделы за заслуги (разд. IX, ст. 6) распадалась на четыре разряда: а) наделы за особо выдающиеся, так наз. «великие заслуги», давались в вечное наследственное пользование; б) наделы за «большие заслуги» предоставлялись на три поколения, в) наделы за «средние заслуги» предоставлялись на два поколения и г) наделы за «малые заслуги» давались в потомственное пользование только на одно поколение, т. е. переходили только к сыну. Размеры этих наделов законом предусмотрены не были; повидимому, этот размер определялся в каждом случае особо. Судя по тому наделу, который получил «за заслуги» один из руководителей переворота Тайка — Фудзивара Каматарп, они могли достигать до 100 тē (120 га).

Жалованные наделы (разд. IX, ст. 12) давались по особому императорскому указу, причем их размер также не был определен законом, теоретически завися только от воли императора. Судя по историческим примерам, такие наделы могли достигать до 250 тē (300 га).

Юридическое положение этих наделов было различно. Право пользования ранговыми и должностными наделами было естественно связано с состоянием в ранге и нахождением на должности и было присвоено только этому одному лицу; иначе говоря, — по наследству не переходило (разд. IX, ст. 9). Это право не было и пожизненным, поскольку с лишением должности и исключением из табели рангов наделы эти вовсе отнимались и бывший обладатель их должен был довольствоваться — как и рядовое население — обычным подушным наделом. Право пользования ранговым и должностным наделом не было постоянным и в смысле размеров, поскольку всякое передвижение в ту или иную сторону по табели рангов и лестнице чинов влекло за собой соответствующее увеличение или уменьшение наделов.

Несколько иное положение занимали жалованные наделы. Закон не оговаривает специально, каковы были права пользования этими наделами, но из исторической практики можно предположить, что они были пожизненными (см. прим. к ст. 12, раздел IX).

Положение наделов за заслуги было опять иным: право пользования ими было наследственным с разной только продолжительностью — в зависимости от степени заслуг. Оно могло простирались на 1 поколение, т. е. переходить только к сыну, могло простирались на 2 поколения, на 3 поколения и, наконец, — в случае самых крупных заслуг, — могло быть вечным. Наследственный характер этого пользования подчеркивается специальным указанием на то, что в случае, если кто-нибудь умрет, не успев воспользоваться своим правом на надел за заслуги, этот надел получают его наследники (раздел IX, ст. 11). Наличие в законе статьи о вечном наследственном пользовании показывает, что в принципе государственной собственности на землю самим законом была пробита брешь: вечное наследственное пользование наделами за «великие заслуги» фактически совпадало с правом владения. Правда, закон оговаривал, что при наличии особо тяжких государственных преступлений (мятежи и т. п.) эти наделы подлежали конфискации (разд. IV, ст. 6), но эти оговорки не имели особого юридического значения: в случае мятежа мог быть отнят любой надел, любое имущество.

Все эти особые наделы подлежали обычному земельному обложению, т. е. с них должен был уплачиваться налог по общему принципу — с площади.¹ Однако два других обязательства — подать и рабочая повинность распространялись не на всех владельцев этих наделов. Закон точно оговаривает, что податям и повинностям не подлежат следующие лица: 1) члены императорского рода, 2) лица первых 8 рангов, 3) отцы и сыновья лиц первых 5 рангов, 4) деды, отцы, братья, сыновья и внуки лиц первых 3 рангов; иными словами, — вся ранговая аристократия (раздел X, ст. 18; ср. также разд. VIII, ст. 5). Прочим же членам верхушечного сословия предоставлялась возможность либо послать за себя своих слуг или рабов, либо же нанять кого-либо со стороны, если вообще с них это спрашивалось: верхушечное сословие предпочитало пользоваться, а не давать.

Помимо этих четырех видов особых наделов существовали еще земли монастырей — буддийских и синтоистских. Эти земли были владениями в полном смысле этого слова, поскольку они не выдавались в качестве

¹ Uchida Ginzō. Nippon keizaishi-no kenkyū, т. I, p. 313.

наделов, не отбирались — на тех же основаниях, на каких отбирались в определенном случае наделы, не подлежали раз в 6 лет пересмотру; наконец, не были обложены налогами (раздел IX, ст. 21). Это означает, что сам кодекс Тайхōрё пробивает новую брешь в системе государственной собственности на землю: принцип государственной собственности неприкосновенен, когда речь идет об управляемых; когда же речь идет об управляющих, то этот принцип либо становится условным, либо просто отменяется. Так обстоит дело в двух случаях: в случае пожалования наделов за заслуги и в случае предоставления земель духовенству.

Такая юридическая природа монастырских владений обуславливала концентрацию земель в руках монастырей; с другой стороны, она подталкивала к тому, чтобы скрывать под названием монастырской земли свои собственные наделы, т. е. превращать их фактически в личное владение, свободное от обложения и повинностей. В связи с этим двойным процессом вероятно и появилась в земельном законе Тайхōрё статья, запрещающая населению продавать в пользование монастырей свои пахотные наделы, а также продавать им свои садовые или усадебные участки (ст. 26).

Кроме всех перечисленных земель, особую категорию представляли «почтовые наделы», т. е. земли почтовых дворов (разд. IX, ст. 33). Доходы с этих земель предназначались на содержание таких дворов.

Особое место занимали так наз. «правительственные участки», обслуживавшие хозяйство императорского двора. Все они были расположены в Кинай, причем для обработки их привлекалось население в порядке рабочей повинности (раздел IX, ст. 36).

Таким образом земельное устройство по принципам надельной системы имеет в целом следующий вид:

Государство владеет всей землей, образующей государственный земельный фонд.

I. Обрабатываемая часть этого фонда, т. е. угодья, уже подвергшиеся распашке и имеющие оросительную систему, распределяются следующим образом:

A. Большая часть земель распределяется между населением в виде наделов:

1. Рядовое население получает подушные наделы на двор — по числу душ двора, начиная с 6-летнего возраста. В число земель, составляющих надел двора, входят и подушные наделы, отводимые на рабов, имеющих в распоряжении двор. Пользование этими наделами пожизненное.

2. Население, принадлежащее к ранговой аристократии или чиновничеству, получает особые наделы — ранговые и должностные по особой норме, установленной для каждого ранга и должности. Пользование этими наделами определялось сроком состояния в ранге или пребывания в должности. Разумеется, это не исключало получения теми же лицами определенного количества земли в качестве подушного налога, а также участков на рабов.

3. Та же часть населения, т. е. принадлежащие к управляющему классу, имела еще в своем распоряжении жалованные наделы разных размеров с пожизненным пользованием ими.

4. Лица, принадлежащие к тому же классу, могли иметь еще и особые наделы за заслуги — в наследственном пользовании разной продолжительности, в некоторых случаях — бессрочном.

В. Часть земель находится в бессрочном пользовании:

1. Почтовых дворов — на предмет их содержания.
2. Монастырей, составляя их хозяйство.
3. Министерства двора — как база для снабжения его всем необходимым.

С. Свободная, т. е. оставшаяся после распределения наделов, часть пахотной земли:

1. Частично обрабатывается государственными рабами, получающими эту землю по норме обычных подушных наделов.

2. Частично обрабатывается «казенной рабочей силой» — в первую очередь теми же государственными рабами, привлекаемыми особо для работ на этих участках, помимо тех, которые они обрабатывают как свои подушные наделы; а также, повидимому, с помощью населения, привлекаемого в порядке рабочей повинности.

3. Частично — отдается в аренду.

4. И, наконец, частично предоставляется, — если такая земля пустует уже более трех лет, — населению без особых условий, только с обязательством возврата через 6 лет.

II. Необрабатываемая часть земель государственного фонда, т. е. целина:

1. Либо остается как запасной фонд целинных земель.

2. Либо предоставляется населению на условиях длительного наследственного пользования, а с 743 года — и на правах вечного владения.

Обработка всех этих земель производилась, повидимому, следующим образом:

1. Подушные наделы обрабатывались их владельцами, а также рабами последних.

2. Особые наделы — ранговые, должностные, жалованные и за заслуги — обрабатывались частично самими владельцами, частично их рабами.

3. Правительственные участки, а также, повидимому, почтовые обрабатывались лицами, привлекаемыми в порядке рабочей повинности.

4. Монастырские земли обрабатывались с помощью рабочей силы этих монастырей — как низшего персонала этих монастырей, так и рабов, бывших в их владении; частично — с помощью крестьянства, приписанного к монастырям.

5. Часть казенной земли обрабатывалась государственными рабами, получавшими ее в порядке подушных наделов.

6. Земельные излишки, отходящие в аренду, обрабатывались самими арендаторами; если арендатором являлось лицо, обладавшее рабами, то — силами этих рабов.

7. Земельные излишки, не отошедшие в аренду, обрабатывались либо привлекаемыми в порядке рабочей повинности, либо государственными рабами.

8. Земельные излишки, не отошедшие в аренду и не обрабатываемые самим государством, а переданные на срок населению, обрабатывались взявшими эти участки.

9. Целинные земли обрабатывались взявшимися за их разработку с помощью той рабочей силы, которая у них была.

Все земли, как правило, подлежали обложению — с земельной площади. Освобожденными от обложения на первых порах были только монастырские земли, но очень скоро к ним присоединились «новые поля», т. е. пахотные угодья, создаваемые на целинных участках.

Кроме земельного налога существовала подать различными предметами, в первую очередь — тканями, и рабочая повинность. И той и другой подлежали в той или иной степени только работоспособные члены двора мужского пола, причем верхушечный слой населения был от этого освобожден.

Земельное устройство не исчерпывает еще полностью всей надельной системы, если понимать ее в широком смысле слова — как основу всего социально-экономического строя после-тайковского периода. К неотделимым от нее элементам принадлежат еще два исключительно важных института: а) институт «кормовых пожалований» (食封) и б) институт «сезонных жалований» (季祿). Кормовые пожалования состояли в приписке к определенным лицам известного числа надельных, т. е. крестьянских дворов, именующихся поэтому «жалованными дворами» (封戸). Крестьяне этих дворов должны были отдавать половину следуемого с них в общем порядке земельного налога в казну, другую же половину — тому лицу, к которому они были приписаны. Два же других вида обязательств — подать и рабочая повинность — целиком шли в пользу их «приписного хозяина» (разд. X, ст. 8).

«Кормовые пожалования» распадалась на 5 различных категорий — в связи с теми поводами, по которым они предоставлялись:

1) Первая категория — кормовые пожалования принцев; 2) вторая — ранговые пожалования; 3) третья — должностные пожалования; 4) кормовые пожалования за заслуги; 5) кормовые пожалования монастырям.

1. Кормовые пожалования для принцев были присвоены принцам всех степеней как старшим (親王), так и младшим (諸王). Размеры их вариировались — в зависимости от звания и степени в пределах 300—800 дворов (раздел XV, ст. 10). Принцы, не имеющие степеней, получали 150 дворов.¹

2. Ранговые пожалования были присвоены первым трем рангам всех степеней. Их размеры колебались в пределах 100—300 дворов — в зависимости от ранга и его степени (раздел XV, ст. 10).

3. Должностные пожалования по кодексу Тайхōрё были присвоены только самым высшим постам в государстве: «великому министру» (дадзё-дайдзин) и его двум коллегам — «левому министру» (садайдзин) и «правому министру» (удайдзин), а также «ст. госуд. секретарю» (дайнагон). Размер этих пожалований был исключительно велик: дадзёдайдзин получал 3000 приписных дворов, садайдзин и удайдзин — по 2000, дайнагон — 800 дворов (разд. XV, ст. 10).

Впоследствии к числу постов, коим полагались приписные дворы, были присоединены «министр печати» (найдайдзин), получавший 800 дворов, «средние госуд. секретари» (тёнагон), получавшие по 300 дворов, и «совет-

¹ Taihōryō shinkai, p. 284.

ники» (санги), имевшие по 60 дворов. Другими словами, должностные пожалования распространялись на всю верхушку правительственного аппарата, а следовательно и правящего сословия.

4. Кормовые пожалования за заслуги давались в особых случаях — при наличии так наз. «заслуг» (功). Эти заслуги могли быть, как и при наделах, «великими», «большими», «средними» и «малыми».

Степень этих заслуг определяла и количество приписных дворов и срок владения ими. Поскольку этот вид пожалования давался в качестве особой награды, закон оставлял всецело в руках верховной власти определение его размеров. Но сроки владения закон намечал точно: пожалования за «великие заслуги» после смерти владельца в половинном размере переходили в пользование его потомков на три поколения; пожалования за «большие заслуги» отходили к потомкам на 4 поколения, но в размере одной трети; пожалования за «средние заслуги» передавались в размере одной четверти на 1 поколение; пожалования за «малые заслуги» в наследственное пользование вообще не переходили (разд. XV, ст. 13).

5. Пожалование приписных дворов монастырям могло иметь место лишь в особых случаях и только путем специального императорского указа, причем пользование ими было ограничено 5 годами (разд. XV, ст. 14).

Вообще закон допускал возможность предоставления таких дворов кому угодно и в каком угодно размере только путем особого императорского указа (разд. XV, ст. 15). Это значит, что сам закон открывал широкий путь к этой чрезвычайно важной форме присвоения и земли и людей.

Второй институт, являющийся наряду с кормовыми пожалованиями неотъемлемой частью надельной системы в широком смысле этого слова, есть, как сказано выше, институт сезонных жалований. Это означает, что правящие слои помимо особых наделов и приписных дворов получали еще два раза в год от казны «жалованье» — выдачи натурой.

Выдачи натурой фактически производились всему правящему слою: членам императорского дома, чинам императорского двора, дворцовый страже, ранговой аристократии — от I до IX ранга, гражданскому чиновничеству, военным чинам. Эти выдачи в известных случаях заменяли собою кормовые пожалования (разд. XV, ст. 1—12).

Выдачи производились следующими предметами: 1) шелковой материей, 2) шелковой ватой, 3) холстом, 4) мотыгами; иначе говоря, тем, что государство получало от населения в виде подати. Размеры этих выдач

были, конечно, очень разнообразны, варьируясь в зависимости от положения, ранга, должности, чина и т. п. О том, что присваивал себе императорский дом, можно судить по приводимым законом нормам на наследного принца: 3000 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 железных мотыг, 500 тё железа. Норма же прочих категорий колебалась между 1—30 хики шелка, 1—30 дзюн шелковой ваты, 100 тан холста, 10—140 штук мотыг.

Закон о жалованиях ничего об этом не говорит, но если учесть, что подать сдавалась не только материями, но и разными другими предметами соответственно стоимости материи, вполне возможно допустить, что указанная в законе номенклатура может означать также и ту ценностную величину, в которую должны были укладываться всякие выдачи натурой.

II

Если исходить из описанного содержания надельной системы в целом, необходимо признать, что она предполагала наличие трех основных групп населения: 1) чиновническое и отчасти духовное сословие, 2) земледельческое население, 3) несвободных.

1. К первой группе принадлежали все, состоявшие в рангах, занимавшие должности в обширном и разветвленном государственном аппарате того времени, а наряду с ними — их братья, отцы и сыновья, числившиеся монахами буддийских монастырей или жрецами синтоистских храмов.

Все представители гражданской половины этой группы получали земельные наделы — ранговые и должностные; часть из них имела еще наделы за заслуги и особопожалованные; некоторые группы из них имели помимо всего этого кормовые пожалования — ранговые, должностные и за заслуги — в виде приписных крестьянских дворов. Владея рабами, они получали кроме того подушные наделы на рабов, и чем больше рабов у них было, тем больше земли могли они сосредоточивать в своих руках. Они получали, далее, два раза в год жалование натурой, в состав которого входили, между прочим, не только продукты потребления, но и орудия производства — железные мотыги, отбираемые государством в виде подати от населения, и поступавшие теперь от государства в руки правящего класса.

Духовная половина этого класса сидела на монастырских землях, представлявших фактически собственность монастырей, и владела всем монастырским имуществом, в том числе и рабочей силой — рабами. Во

многих случаях к монастырям было приписано и определенное количество крестьянских дворов.

Эта половина правящего класса была вообще свободна от всяких обязательств перед государством, поскольку монастырские земли не были обложены налогом, а живущие на них — податью и рабочей повинностью. Гражданская же часть этого класса частично несла некоторые обязательства, сводившиеся главным образом к земельному налогу: ранговые, должностные и прочие надель, находившиеся в их руках, подлежали земельному обложению. От податей и рабочей повинности большая часть этого класса была освобождена законом; те же, кто этой повинности подлежал, могли посылать вместо себя своего раба или же наемника.

2. Вторая группа населения, — основная по численности и роли в производстве, — так наз. «добрый народ» (рёмин), представляла собою крестьян, издавна сидевших на земле и получавших ее теперь от государства по числу душ на двор в виде подушных надель. Если в составе крестьянского двора оказывались рабы, в земельное хозяйство двора входили и участки, получаемые на рабов.

Эта часть населения платила государству земельный налог со своих подушных надель, а кроме того вносила подать различными предметами, исчисляемую по числу наиболее трудоспособных членов двора мужского пола; в добавление к этому эта наиболее трудоспособная часть подлежала и рабочей повинности. Иначе говоря, эта группа населения в первую очередь содержала государство и правящий класс.

3. Третья часть населения, — «подлый народ» (сэммин), состояла из рабов разных категорий. Кодекс Тайхōрё предусматривает наличие двух основных категорий рабов — государственных рабов и частных рабов, причем каждая из этих двух категорий в свою очередь делилась на группы.

Государственные рабы делились на три группы:

- 1) прислужники при императорских могилах (рёко),
- 2) слуги в правительственных учреждениях (канко),
- 3) государственные рабы (кōнухи или кōдохи).

Частные рабы распадалась на две группы:

- 1) домашние слуги (кэнин),
- 2) частные рабы (синухи или сидохи).

Кодекс предусматривает строгое отграничение этих групп друг от друга, что находит свое выражение в придании каждой из них своих собственных правовых признаков.

Различное правовое положение этих групп усматривается хотя бы из того, что рабам, принадлежащим к разным группам, запрещалось вступать друг с другом в брак; браки разрешались только внутри своей группы (разд. VIII, ст. 35). Строго регламентировались все случаи перехода из одной группы в другую: так, например, владелец раба мог перевести своего раба низшего разряда (синухи) в высший разряд (кэнин), а рабу высшего разряда вообще предоставить свободу (разд. VIII, ст. 39); государственные рабы низшего разряда (кōнухи) по достижении 66-летнего возраста автоматически переходили в разряд «правительственных слуг» (канко) и по достижении 77-летнего возраста вообще переходили в разряд свободных (разд. VIII, ст. 38).

Особое положение каждой из этих групп рабов сопряжено и с характером принадлежности раба: государственные рабы в целом пользуются известными привилегиями сравнительно с частными; так, например, для государственных рабов (канко и кōнухи) существовал автоматический переход в свободное состояние; они получали подушный надел, равный свободному, в то время как на частного раба выделялась только $\frac{1}{3}$ надела свободного (разд. IX, ст. 27). Государственным рабам ведется отдельный учет, ими заведует особое ведомство (разд. VIII, ст. 36). При привлечении к работам им предоставлялся раз в 10 дней «выходной день», в случае смерти отца или матери они получали отпуск на 30 дней; женщинам после родов предоставлялся отпуск на 15 дней; во время беременности, а также кормления женщинам полагалось поручать только самые легкие работы (разд. XXX, ст. 32); каждому рабу должны выдаваться пища и одежда «по росту» (разд. XXX, ст. 34). Ничего подобного не предусматривалось по отношению к рабам, находящимся в частном владении. Закон оговаривал только некоторые преимущества кэнин перед низшими рабами: кэнин нельзя было посылать на работу всей семьей сразу, равным образом нельзя было их и продавать (разд. VIII, ст. 40).

Закон устанавливал также способы комплектования всех этих категорий рабов. При этом характерно, что он заинтересован главным образом в государственных рабах и очень мало говорит о путях комплектования частных рабов. В государственные рабы обращают за преступления против государства и против социального порядка. Таким образом в рёко (прислужников при императорских могилах) обращаются повинные в тяжких государственных преступлениях; в канко (слуг в правительственных учреждениях) обращаются отцы и дети тяжких государственных преступников, а также дети, родившиеся от связи господ с их рабами (кэнин и синухи);

в кōнухи (госуд. рабов низшего разряда) обращаются рабы лиц, повинных в тяжких преступлениях.¹ Рабами, находящимися в частном владении, являются в наследственном порядке кэнин и, конечно, синухи (разд. VIII, 40); в рабов могут быть обращены и неисправные должники.

Все эти сведения о комплектовании рабов говорят в первую очередь о стремлении правительства сохранить в своем распоряжении определенное число рабов двух важнейших категорий: канко и кōнухи. С этой точки зрения особенно характерны постановления кодекса об обращении в государственных рабов (канко) детей, рожденных от связи свободных с их рабами (разд. VIII, ст. 43). О стремлении сохранить рабскую силу для их владельцев говорят подробные постановления о поимке и приводе беглых рабов как государственных, так и частных (разд. XXVIII, ст. 7—13). О том, что в те времена стремились увеличить число рабов и с помощью актов самоуправства, говорит наличие в кодексе статей, карающих за насильственное обращение в рабство, причем предусматриваются акты двоякого рода: насильственное похищение и соблазнение. Есть статья, запрещающая самопродажу в рабство или продажу детей. Иначе говоря, из положительных и отрицательных постановлений кодекса явствует одинаково, что рабам в VII—VIII вв. придается большое значение, и число их достаточно велико. Комплектование рабов производится как легальным путем, так и нелегальными средствами, законом преследуемыми, но, повидимому, широко практикуемыми.

Для чего рабы были нужны? Ценность рабов, очевидно, определялась двумя главными условиями: владение рабами для частных лиц означало возможность получения дополнительных земельных участков, а также возможность пользоваться ими как рабочей силой; владение рабами для государства, т. е. для правящего класса в целом, обуславливало возможность обработки рабским трудом некоторой части государственных земель, т. е. возможность непосредственной эксплуатации части государственного фонда; одновременно владение рабами открывало возможность пользоваться их рабочей силой для строительных и прочих работ. Из самого кодекса трудно получить полную картину применения труда рабов. Из кодекса можно уяснить себе, чем занимались рёко — прислужники при императорских могилах, канко — слуги в правительственных учреждениях, отчасти кэнин — домашние слуги у частных лиц. И менее всего можно судить о роли двух наиболее многочисленных категорий рабов — кōнухи и синухи. Государственные рабы

¹ Taihōryō shinkai, p. 232—233.

(кōнухи), повидимому, обрабатывали, как сказано выше, государственные земли, поскольку они получали подушные надель; они же поставляли и рабочую силу для всяких строительных работ — для проведения дорог, сооружения причалов, постройки дворцов, зданий, храмов и т. д. Частные рабы (синухи) частично также обрабатывали землю как полагающуюся на них, так и землю хозяина. Для отдельных лиц рабы служили источником земельного присвоения и орудием производства; частично те же частные рабы выделяли предметы подати и посылались для несения рабочей повинности. Число рабов в эту эпоху, т. е. в VII—VIII вв, установить трудно: по ряду данных, привлекаемых японскими историками, это число не превышало 15% всего населения.¹ Новейшие данные говорят даже о 5—10%.²

Естественно, что эти рабы сосредоточивались преимущественно в руках государства и в руках чиновничества, т. е. в руках правящего класса. Об этом говорят данные переписей. Так, например, по переписи 702 г. в одном селении провинции Мино из рядового населения число рабов составляло около 3% по отношению к числу свободных (по списку Тодай-дзи, впрочем, несколько более: 3.9%); у представителей же местной власти число рабов составляло 25—30%.³

Несколько особое положение среди несвободного населения занимали так наз. дзацуко (иначе: zōshiki). Это была группа ремесленников, обслуживавших непосредственно верхушку правящего класса, двор и правительство и входивших в состав дворцового ведомства. Они не были полноправным населением, но не были вполне и рабами, занимая промежуточное положение. Впрочем, их общая роль была очень невелика и ограничивалась узкими сферами двора.

Подводя итоги всему изложенному, приходится сказать, что все законодательство, связанное с надельной системой, имеет совершенно определенную направленность:

1. Все постановления, касающиеся правящего класса, обозначаемого в кодексе Тайхōрē, как чиновничество и ранговая аристократия, имеют своей целью предоставить в распоряжение этого класса все экономические ресурсы страны: землю — надель; людей — рабов как источник присвое-

¹ Takekoshi Yosaburō, Nippon keizaishi, т. I, Heibonsha, p. 134. Takigawa Masajirō в статье «Hombō kodai dorei-no jinko-to sono bumpy» («Warega», TMV, № 8) исчисляет количество рабов в 10—20%. Эту цифру принимает и Honjō Eijirō в своей Nippon shakai-keizaishi.

² См. Rekishi kagaku, 1935 г., № 8, p. 98.

³ Исчисления произведены по данным переписей, приведенных в работе Takekoshi Yosaburō, Nippon keizaishi, т. I.

ния земель и как орудие производства; землю вместе с людьми — кормовые пожалования с их приписными крестьянскими дворами, работающими на хозяина; орудия производства — мотыги; предметы потребления — подати. Доступ к этим ресурсам открывается участием в государственном аппарате, а с другой стороны обуславливается принадлежностью к высшему сословию, признаком чего должно считаться состояние в ранге, а также обладание титулами (кабанэ). Система рангов и титулов безусловно должна быть признана как двойная форма организации правящего класса в определенное сословие.

2. Все постановления, касающиеся частных рабов, имеют свою целью предоставить в распоряжение отдельных лиц, — в первую очередь, конечно, представителей правящих классов, поскольку большинство рабов было в их руках, — дополнительный источник присвоения земли и орудие производства. Постановления же, касающиеся государственных рабов (в том числе и дворцовых ремесленников), имеют своей целью предоставление государственному аппарату, т. е. тому же правящему классу в целом, возможности использовать даровую рабочую силу для государственной обработки земли, для получения добавочного продукта в виде изделий ремесла или добычи промысла и для производства всякого рода строительных и прочих работ.

3. Все постановления, касающиеся так наз. рёмин, имеют своей целью заставить основную, наиболее многочисленную категорию населения, занятую земледельческим трудом, т. е. крестьян, работать в известной мере на тот же правящий класс. Крестьяне должны были работать на правящий класс либо непосредственно, будучи в качестве «приписных дворов» отданы в личное, почти полное его распоряжение, либо косвенно, сдавая государству в виде налога и подати продукт своего труда на полях или своего ремесла и промысла, а то и фигурируя для государства в качестве рабочей силы.

4. Соответственно этой системе господства и подчинения был построен и весь государственный аппарат, представляя собою сложную, разветвленную, но очень стройную и строго централизованную систему.¹ Во главе всего гражданского управления стоял Дадзёкан («великий совет»), состоящий из Дадзёдайдзина («великого министра») и его двух товарищей — Садайдзина («левого министра») и Удайдзина («правого министра»). Главным исполнительным органом являлся Дайнагонкёку («государственный секре-

¹ Taihōryō, разд. II. См. также любой университетский курс истории Японии, как, напр., проф. Nagino, Nipponshi kōwa, Taishō 14, Meiji shōin, стр. 130 и след.

тариат»), состоящий из Дайнагона («старшего государственного секретаря»), нескольких Тюнагонов («средних государственных секретарей») и Сёнагонов («младших государственных секретарей»). Органами государственного секретариата служили два Бэнкан (главных управления) — левое и правое (Сабэнкёку и Убэнкёку), с Садайбэном (ст. левый главноуправляющий) и Удайбэном (ст. правый главноуправляющий) во главе. И непосредственно под этими главными управлениями состояли 8 ведомств, так сказать, министерств: к левому главному управлению принадлежали Хёбусё (военное министерство), Гёбусё (министерство наказаний), Окурасё (министерство сокровищ), Кунайсё (министерство двора); к правому главному управлению принадлежали Тюмусё (министерство центральных дел), Сикибусё (министерство чинов), Дзибусё (министерство управления), Мимбусё (министерство по народным делам). Каждое министерство имело своего управляющего и делилось на департаменты (職), бюро (寮) и отделы (司).

Совершенно отдельно, по положению — наряду с Дадзёканом, стоял верховный орган по управлению делами культа — Дзингикан. Кроме того особое место в центральном аппарате занимала полиция, совмещавшая функции обычной полиции и полиции нравов. Ее главным органом было Дандзёдай (главное полицейское управление).

Провинциальный аппарат был построен следующим образом: в двух наиболее крупных населенных пунктах страны — в столице и в Сэтцу были введены «городские управления»; на окраинах были организованы генерал-губернаторства: на о-ве Кюсю — Дадзайфу, на севере Хонсю — Тиндзюфу; вся прочая территория была поделена на провинции, с провинциальными управлениями (кокуси), во главе которых стояли губернаторы (кокусю); каждая провинция в свою очередь была разделена на уезды (гун) с уездными управлениями (гундзи), во главе которых стояли уездные начальники (тайрё). Административные функции имели и представители сельской власти: староста селения (ритё), старшина пятидворья (гохотё) и хозяин двора (косю). Так государственный аппарат, начинаясь наверху, около императора, своими последними звеньями вклинивался в самую деревню и имел, по существу говоря, одну цель: обеспечить поступление налогов, податей и отбывание рабочей повинности.

Анализ всех этих постановлений, а равно как и всех вообще элементов надельной системы, позволяет судить и о ее социально-экономической сущности. Она уже достаточно ясна из всего предыдущего изложения.

Во всем этом строе естественно выступают две тенденции — рабовладельческая и феодальная. Элементы рабовладения сказываются

в наличии рабов, выступающих как орудие производства, в наличии отраслей хозяйства, частично построенных на рабском труде, в наличии института государственного и частного рабовладения. Такими отраслями хозяйства являлись, во-первых, частично — земледелие, поскольку часть особых наделов возможно обрабатывалась руками рабов; равным образом рабами обрабатывалась и часть государственного земельного фонда; во-вторых, той отраслью, в которой применялся рабский труд, было ремесло, что имело место при обслуживании двора; наконец, в третьих, той отраслью, где применялся рабский труд, были всякие строительные, дорожные, земляные и прочие подобные работы.

Элементы феодализма проступают в том, как была организована основная отрасль экономики того времени — земледелие. Обработка земли составляла обязанность основной массы населения — работающих на наделах крестьян, не имеющих собственной земли, не имеющих полностью собственных орудий производства и обязанных отдавать тем, кто этой землей и орудиями владел, часть продуктов своего труда в виде натурального земельного налога. Кроме того, они должны были отдавать часть своего ремесла или промысла и вдобавок привлекались к отработочной повинности. Правда, они сохраняли при этом личную свободу: эксплуатация крестьян велась через государство, которое было собственником и земли и орудий производства. «Свобода» крестьянина была по существу фикцией, поскольку, во-первых, он должен был в обязательном порядке обрабатывать данный ему государством надел, потому что государство рассчитывало получить с него все, что было установлено, и для этого и произвело экспроприацию земель и орудий производства; во-вторых, он принужден был сидеть на своем наделе хотя бы потому, что в другом месте он надела бы не получил; в третьих, если бы он бросил свой надел и убежал, его, как беглого, водворили бы обратно. Единственное, что составляло своеобразие этого этапа, это то, что зависимость крестьянина была, в основном, государственной, а не частновладельческой.

Те же элементы феодализма — уже несколько в другой форме — проступают в организации приписных дворов: здесь место государства почти полностью занимал владелец и зависимость крестьянина превращалась уже в значительной мере в зависимость личную.

Из этих двух тенденций — рабовладельческой и феодальной — ведущее значение безусловно имела феодальная. Это с совершенной очевидностью усматривается из того, как отражаются эти две тенденции в законодательстве того времени и в первую очередь в кодексе Тайхōрё. Законодательство

Тайхōрё̄ есть прежде всего законодательство, касающееся крестьян, с одной стороны лишаящее их права владения землею, а с другой стороны — фактически прикреплявшее этих крестьян к земле и обязывавшее их отдавать часть своего земледельческого продукта, своего ремесла и промысла, часть своего личного труда — правящему классу. Важнейшая часть кодекса — та, которая об этом всем говорит, т. е. земельный закон (Раздел IX). К нему непосредственно примыкают дополняющие его части: закон о повинностях (Раздел X) и закон о жаловании (Раздел XV). Эти законы рисуют экономическую сторону всего режима. На этой основе построен закон о крестьянских дворах (Раздел VIII), предусматривающий административную организацию крестьянского двора в согласии с экономической системой. Далее идут части, касающиеся правящего сословия и говорящие об его правах, о сословной организации, службе, образовании и т. д. Главнейшим из этих разделов является закон о рангах и чинах (Раздел I), устанавливающий права правящего сословия на землю, на продукт крестьянского труда, на самый крестьянский труд. Затем идут части, излагающие устройство государственного аппарата (Разделы II, III, IV и др.), опять-таки либо с точки зрения того, как наилучшим образом обеспечить эксплуатацию крестьян, либо с точки зрения закрепления за правящим сословием определенных привилегий.

Наряду с этими широко развитыми разделами во всем кодексе нет ни одного специального раздела, касающегося рабов. О рабах говорят только редкие отдельные статьи, вкрапленные в разные части кодекса. Кроме того эти статьи обычно появляются лишь в связи с теми статьями, которые говорят о двух главных объектах законодательства: правящем сословии и крестьянстве. Поэтому кодекс Тайхōрё̄ есть свод постановлений, устанавливающий взаимоотношения правящего сословия и крестьянства, а не правящего сословия и рабов. Рабы в нем занимают только второстепенные участки, какие они занимают и в действительной жизни того времени.

Иначе быть и не могло. Кодекс не мог ориентироваться на рабов, как не могло ориентироваться на них и правящее сословие на практике: рабов было слишком мало, чтобы на их труде можно было построить хозяйство и обеспечить существование и благоденствие правящего класса. Выше уже указывалось, что число рабов по новейшим данным составляло не более 5—10% населения. Если учесть, что в это число входил ряд непродовольственных категорий, а также старики, женщины и дети, то количество рабов, которые могли играть серьезную роль в хозяйстве, должно было

составлять еще меньший процент. О том, как незначительно было вообще число рабов, находившихся в государственном владении, говорят привлеченные в последние годы источники. По данным налоговых реестров 2-го года Тэмпё (730) во всей провинции Ямато казенных рабов было не более 200—300 человек. Когда во 2-м году Темпё-Сёхō (750) было дано распоряжение предоставить монастырю Тодайдзи 200 казенных рабов, их смогли набрать лишь с большим трудом, и то включив туда двухлетнего младенца и шестидесятилетнего старика. Такигава полагает, что казенных рабов было в эти годы не более нескольких тысяч.¹ Ввиду этого, участие их в обработке государственного земельного фонда не могло быть значительным. Равным образом оказывается незначительным и их участие в строительных работах, т. е. в той области, которая до последнего времени считалась в науке принадлежащей рабам чуть ли не целиком. Считалось, что монастыри того времени, дворцы, сам город Нара построены трудами рабов. Хондзё называет знаменитую статую Будды в Нара «кристаллизацией пота и крови рабов».² Новейшие исследования обнаружили, что все это неверно. Из документов Сёсōин'а явствует, что монастырь Тодайзи, например, т. е. одно из крупнейших сооружений эпохи, был построен прежде всего руками привлеченного в порядке рабочей повинности надельного крестьянства.

Частных рабов повидимому было несколько больше, но сколько нибудь заметное количество их сосредоточивалось в руках немногочисленной верхушки правящего сословия,³ у большинства же рабы играют роль домашней челяди. Поэтому о рабовладельчестве можно говорить только лишь как об укладе внутри феодального строя. При этом нужно особо подчеркнуть те стороны этого строя, на которые в науке до сих пор обращали мало внимания: наличие наряду с государственным надельным крестьянством «приписных крестьян», большее, чем обычно полагают, значение крестьянской трудовой повинности, главным образом привлечение их на «разные работы»,⁴ а также факт частичной экспроприации орудий кре-

¹ См. Takigawa Masajirō, Daibutsu-wa dorei rōryoku-no kesshō-hi arazu. «Nihon», т. I, № 3 (июнь).

² Honjō Eijirō, Nippon shakaishi (русс. пер. «Социальная история Японии». М., 1927 г., р. 41).

³ См. Omori Kanegoro, Taika kaishin zengo-nō tochi seido mondai «Rekishī chiri», т. LX, № 1, pp. 25—26.

⁴ Обращаю внимание на то, что эта рабочая повинность — как тяжкое бремя — упоминается в народной поэзии той эпохи. См., например, некоторые песни Man'yōshū (изд. Iwano-ami, т. I, р. 29), а также песни Saibara (одна из них приведена в «Rekishī kagaku», 1935 г., № 7, р. 98).

стьянского производства — мотыг и материалов для их изготовления — железа. Внутри этой надельной системы были заложены элементы, которые укрепляли феодальные тенденции и намечали те пути, по которым феодализм должен был развиваться. Сама надельная система открывала возможность присвоения земель, превращения их из государственных в частновладельческие.

Если даже не считать официального признания права собственности на новые поля, что случилось несколько позже — в 743 г. и поэтому не укладывается непосредственно в рамки кодекса Тайхōрё, — в самом кодексе есть достаточно элементов, открывающих возможность частновладельческого присвоения. Совершенно точно частная собственность на землю признается за монастырскими землями, причем эти земли оказываются привилегированными даже в том отношении, что освобождены от всяких налогов и повинностей. Фактически правом собственности является владение наделами за великие заслуги, где декретировано вечное наследственное пользование. Наконец, фактически собственностью становились даже до указа 743 г. «пустопорожние земли», отдаваемые населению на неопределенный срок и в сущности без налоговых обязательств.

Пути к частновладельческому присвоению земель открывали и другие легальные возможности: была разрешена аренда, сильно ограниченная в отношении надельной земли, но по всем признакам не так жестоко регламентированная сроком в отношении государственной пахотной земли. Можно было брать для разработки заброшенные поля, причем и здесь срок в 6 лет играл, повидимому, очень условную роль.

Необходимость развития производительных сил, ощущаемая страной с растущим населением и усложняющимся хозяйством, с увеличивающимися потребностями, обусловила интенсивное обращение к разработке целины. С другой стороны, если одна часть правящего класса продолжала довольствоваться эксплуатацией крестьян посредством государства и находила возможность существования в рамках надельной системы, то другая предпочла более выгодные формы непосредственной эксплуатации и быстро перекинулась на строительство частновладельческих поместий с поставленным в личную зависимость крестьянством на них. Иначе говоря, эта часть правящего класса, в основе — провинциальная аристократия и провинциальное чиновничество, быстро захватила в свои руки процесс мобилизации земель и вынудила правительство закрепить эти земли за ними и юридически. Отсюда указы 723 и 743 гг. После этого «новые поля» стали захватываться всеми, кто это мог сделать. Естественно, в чем сначала испытывалось некоторое затруд-

нение — это рабочая сила: своих сил было недостаточно, рабов для этих целей было мало. Пришлось поэтому пуститься на всяческое привлечение в эти новые поместья надельных крестьян и чужих рабов: первым обещалось более льготное обложение, больше земли и защита от всяких посягательств и произвола со стороны правительственных чиновников; вторым обещалась личная «свобода», т. е. те же условия, что и крестьянам. Таким образом, в поместьях происходило слияние крестьян и рабов, что привело в конечном счете к исчезновению рабства, как элемента, образующего особый уклад, а с другой стороны превратило крестьян в фактических крепостных хозяина поместья. Конечно, отдельные пережитки и остатки рабства можно наблюдать и в последующей истории, но именно как остатки.

Подобный же процесс развивался и на монастырских землях, на надельных за заслуги землях, в кормовых пожалованиях; из этих форм всюду вырастали частновладельческие поместья.

Таким образом, следующей социально-экономической формой, которой суждено было заменить собою надельную форму, явилось феодальное поместье — сёэн. К половине X в. эти поместья превращаются в основную социально-экономическую форму, и надельной системе настает фактический конец.

КОДЕКС ТАЙХОРЁ

РАЗДЕЛ IX

Земельный закон

Ст. 1. Поле длиною в 30 бу (步) и шириною в 12 бу составляет 1 тан (段).
10 тан составляют 1 тѐ (甸).

[Налог с 1-го тан составляет 2 соку (束) 2 ха (犯); налог с 1 тѐ составляет 22 соку.]

Ст. 2. Земельный налог вносится в сроки в зависимости от сбора урожая в данной провинции. Внесение земельного налога начинается со средней декады 9-й луны и заканчивается к 30 дню 11-й луны. Неочищенный рис (| 米) доставляется в столицу, причем эта доставка начинается с 1-й луны и заканчивается к 30 дню 8-й луны.

Ст. 3. Подушный надел (кубундэн 口分田) отводится в размере: на мужчину — 2 тан [на женщину на $\frac{1}{3}$ меньше]; не достигшим 5-летнего возраста подушный надел не отводится. В районах малоземельных или многоземельных при распределении наделов руководствуются местными установлениями. Если поле может давать урожай только через год (экидэн 易田), подушный надел отводится в двойном размере. По окончании распределения наделов делается запись количества (распределенных) тѐ и тан, а также границы участков.

Ст. 4. Ранговые наделы (идэн 位田) предоставляются в размере:

Принцам 1 ранга — 80 тѐ

“ 2 “ — 60 “

“ 3 “ — 50 “

“ 4 “ — 40 “

Сановникам 1 ранга старшей степени — 80 тѐ

” ” ” младшей ” — 74 ”

” 2 ” старшей ” — 60 ”

” ” ” младшей ” — 54 ”

” 3 ” старшей ” — 40 ”

” ” ” младшей ” — 34 ”

” 4 ” старшей ” — 24 ”

” ” ” младшей ” — 20 ”

” 5 ” старшей ” — 12 ”

” ” ” младшей ” — 8 ”

[Женщина получает на $\frac{1}{3}$ меньше.]

Ст. 5. Должностные наделы (сикидэн 職田) предоставляются в размере:
 дадзёдайдзин (великий министр) — 40 тё
 садайдзин (левый министр) и удайдзин (правый министр) — 30 тё
 дайнагон (старший государственный секретарь) — 20 тё

Ст. 6. Надел за заслуги (кōдэн 功田) предоставляется:

при наличии «великих заслуг» — в вечное наследственное пользование
 » » «больших заслуг» — на три поколения
 » » «средних заслуг» — на два поколения
 » » «малых заслуг» — на одно поколение (сыну).

[Наделы за «великие заслуги» отнимаются только при наличии преступлений не ниже «мятежа», прочие — при наличии преступлений не ниже «восьми преступлений».]

Ст. 7. При распределении наделов лицо, не являющееся жителем данной местности, не может получить надел, если данная местность относится к разряду «малоземельных». Однако при наличии высочайшего указа этот закон не имеет силы.

Ст. 8. Если лицо, имеющее должностной или ранговый надел, во время своего нахождения на посту (官) или состояния в ранге (位) будет уволено или разжаловано, с ним поступают соответственно этому увольнению или разжалованию. Если такое лицо исключается из списков вообще, к нему применяют положение о подушных наделах. Если окажется, что у него есть жалованные наделы (сидэн 賜田), с ними поступают так же.

Если в составе данной семьи окажется лицо, находившееся на посту и состоявшее в ранге и теперь сниженное до подушного надела и имеющее его получить, оно должно ждать срока очередного распределения наделов. Если при этом у него окажутся излишки, они в дальнейшем отбираются.

Ст. 9. Если лицо, коему надлежит получить ранговый надел, не получив этого надела вовсе, или, не получив его в полном размере, умрет, его сыновья и внуки не получают после него присвоенный ему надел.

Ст. 10. Если лицо, имеющее сыновей или внуков, коему надлежит получить надел за заслуги, не получив следуемого ему надела вовсе, или, не получив его в полном размере, умрет, надел предоставляется его сыновьям или внукам.

Ст. 11. Казенные поля (кōдэн 公田) во всех провинциях отдаются правителями провинций в аренду по ценам, существующим в данной местности. Арендная плата препровождается в Дадзёкан и обращается на «разные расходы».

Ст. 12. Поля, жалуемые по особому высочайшему указу, именуются «жалованными наделами» (сидэн 賜田).

Ст. 13. Те провинции и уезды, в пределах которых земель для раздачи наделов вполне достаточно, считаются «многоземельными» (хироки-гō 寛郷); те, где этих земель недостаточно, считаются «малоземельными» (сэмаки-гō 狭郷).

Ст. 14. Если в малоземельных районах земель не хватает, разрешается получать надел в районах многоземельных.

Ст. 15. Садовые участки (онти 園地) отводятся в зависимости от наличия земель в данной местности. В случае прекращения семьи, эти участки возвращаются в казну (кō 公).

- Ст. 16. «Большие дворы» (上戸) должны в течение пятилетнего срока вырастить тутовых деревьев не менее 300 корней, лаковых — не менее 100 корней; «средние дворы» (中戸) должны взрастить тутовых деревьев не менее 200 корней, лаковых не менее 70; «малые дворы» (下戸) должны вырастить тутовых деревьев 100 корней, лаковых 40. Эти количества не обязательны в тех случаях, когда земля в данной местности мало пригодна, а также когда местность является малоземельной.
- Ст. 17. При покупке-продаже усадебных участков (такути 宅地) необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.
- Ст. 18. Если кто-либо по государеву делу отправится в чужие страны и не вернется, и у него окажутся проживающие с ним родственники, все полагающиеся ему наделы отбираются лишь по истечении 10 лет. В случае его возвращения (после этого срока) ему предоставляют надел по возможности в первую же очередь. Если же он погибнет на государственной службе, его земля передается его сыну.
- Ст. 19. Поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в 1 год. При отдаче в аренду или продаже садовых участков необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.
- Ст. 20. При раздаче подушных наделов нужно стараться давать их поблизости, и нельзя давать в отдалении. Если с изменением границ провинций или уездов какие-либо участки отойдут к другому административному району, а также если какие-либо участки окажутся заходящими друг за друга, надлежит разрешать пользоваться прежними участками. Если земли не будет хватать, разрешается давать участки в другом районе.
- Ст. 21. Поля (наделы) распределяются раз в 6 лет. [На поля синтоистских и буддийских храмов это правило не распространяется.] В случае, если за смертью владельца надельный участок освобождается, отобрание его в казну производится только по наступлении «передельного года» (班年 ханнэн).
- Ст. 22. При возврате надела в казну соответствующий обмер производит глава семьи самолично и возвращает участками в 1 тан. Возвращать надел дробными участками (меньше 1 тан) нельзя. Это допускается лишь в том случае, если участки были дробными с самого начала.
- Ст. 23. Распределение наделов надлежит производить каждый надельный год, причем до 30 дня 1-й луны должны быть сделаны заявки в Дадзёкан. Начиная с 1 дня 10-й луны (предшествующего года) столичные и местные власти заблаговременно проверяют реестры и составляют (новые) списки (наделов, подлежащих отобранию или предоставлению). С 1 дня 11-й луны собирают всех, кому надлежит получить наделы, и отводят им наделы непосредственно. До 30 дня 2-й луны распределение заканчивается.
- Ст. 24. Наделы отводятся в первую очередь тем, кто несет трудовую повинность (эки 役), во вторую — тем, кто ее не несет; из них, в первую очередь — тем, кто еще не имеет надела, во вторую — тем, кто имеет неполный надел; из них в первую очередь — тем, кто беден, во вторую — тем, кто богат.
- Ст. 25. Если в случае чересполосицы владельцы наделов захотят обменяться своими участками, они обращаются к местным властям. Местные власти должны рассмотреть эти заявления и отметить (в реестрах) участки, взятые от одного и переданные другому.
- Ст. 26. Как должностные лица (官人), так и население (百姓) не имеют права жертвовать или продавать свои пахотные земли, садовые и усадебные участки буддийским монастырям.

Ст. 27. Рабы правительственных учреждений (官戸 канко), а также (казенные) рабы (奴婢 нухи) получают подушный надел наравне со свободными. Домашняя челядь (家人 кэнин), а также (частные) рабы (奴婢) получают наделы в зависимости от наличия свободных земель — в размере $\frac{1}{3}$ надела свободного.

Ст. 28. Если поля окажутся поврежденными наводнениями и при этом — не по старому руслу, а на новом месте образуются годные для обработки участки, их нужно в первую же очередь отвести потерпевшим бедствие.

Ст. 29. Если казенные или частные поля (公私田 кōсидэн) окажутся заброшенными в течение трех лет и более и найдутся лица, могущие их взять для обработки, им надлежит обращаться к властям и те разрешают это. Это допускается и в том случае, если эти поля находятся в другом административном районе. При этом частные поля возвращаются их владельцу через 3 года, казенные же возвращаются властям через 6 лет. Если по истечении срока взявший поля не будет иметь полный подушный надел, разрешается полученные таким образом казенные поля обращать в подушный надел. С частными полями этого делать нельзя.

Если в пределах какого-нибудь административного района окажутся пустопорожние земли (空閑地) и кто-нибудь из чиновников или из населения захочет их взять для разработки, им предоставляется право их обработать и засеять. В случае, если взявший такой участок бросит его, этот участок возвращается в казну (公).

Ст. 30. В случае тяжбы урожай со спорного участка поступает к тому лицу, которое получило этот участок по решению суда и его обработало, хотя бы в дальнейшем решение суда и изменилось. Однако тому лицу, которое успело в таком случае только вспахать этот участок, но еще не засеяло его, возмещается только стоимость затраченного труда. Если кто-нибудь, не дождавшись судебного решения, насильственно вспахает и засеет участок, с урожаем поступают согласно решению местного суда.

Ст. 31. Должностные наделы для чиновников высших провинциальных учреждений (сикибундэн 職分田) устанавливаются в следующих размерах:

дадзай-но соцу	10 тē —
дайни	6 тē —
сэни	4 тē —
дайкан, сэкан, дайхандзи	2 тē —
дайку, сёханdzi, тайтэн, сэкимори-сё, каму-цукаса, хакасэ .	1 тē 6 тан
сёгэн, инъёси, иси, сёку, санси, фунэ-но цукаса, сэкимори-сукэ	1 тē 4 тан
рэйси	1 тē —
сисэй	— 6 тан
дайкокусю	2 тē 6 тан
дзёкокусю, дайкоку-сукэ	2 тē 2 тан
тёкокусю, дзёкоку-сукэ	2 тē —
гэкокусю, дайкокудзё, дзёкокудзё	1 тē 6 тан
тёкокудзё, дайкокумоку, дзёкокумоку	1 тē 2 тан
тёкокумоку, гэкокумоку	1 тē —
сисэй	как и выше (т. е. 6 тан)

Ст. 32. Должностные наделы (сикибундэн 職分田) для администрации уездов устанавливаются в следующих размерах:

тайрē — 6 тē, сёрē — 4 тē, сюсэй, сютē по 2 тē каждый.

В районах малоземельных придерживаться этих размеров не обязательно.

Ст. 33. Почтовые наделы при почтовых дворах (экидэн 驛田) отводятся поблизости от почтового двора в следующем размере:

на больших дорогах — 4 тē

на средних дорогах — 3 тē

на малых дорогах — 2 тē

Ст. 34. При смене администрации урожай со служебных наделов чинов высших местных учреждений поступает в распоряжение прежнего чиновника, если он успел засеять поле. Если прежний чиновник успел только вспахать поле, но еще не засеял его, новый чиновник возмещает только стоимость его труда. Если на данный надел нет чиновника, этот надел обрабатывается казенной рабочей силой (кōрики 公力) местных учреждений. По прибытии на место нового чиновника урожай с этого надела выдается ему соответственно числу месяцев.

Ст. 35. Вновь назначенным чинам местной администрации вознаграждение до осеннего сбора выдается натурой, согласно правилам.

Ст. 36. В Кинай устанавливаются правительственные поля (кандэн 官田), в Ямато и Сэцу — по 30 тē, в Коти и Ямасиро — по 20 тē. На этих полях полагается разводить скот из расчета 1 вол на каждые 2 тē. Разведение скота возлагается на отдельные дворы из расчета 1 вол на 1 двор. [Для этого берутся, однако, дворы не ниже «средне-среднего разряда».]

Ст. 37. При назначении работников на правительственные участки устанавливается следующий порядок: министерство дōра ежегодно наперед определяет — согласно правилам — потребное количество рабочей силы на предстоящий год соответственно видам засеиваемых культур и количеству таи, доводит об этом до сведения властей и ведает этой рабочей силой. При посылке на работу правители провинций соображаются с тем, свободный ли данный месяц для населения, или занятый, и соответственно с этим направляют на работу. Заведующие правительственными участками подлежат ежегодной смене. По окончании года министерство проверяет количество собранного урожая и соответственно награждает или наказывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 1. 1) Дать точное представление о величине 1 тан — этой основной единицы измерения земли в то время — в современных мерах в точных цифрах затруднительно, поскольку очень спорна величина этого тана в разное историческое время. Наиболее часто встречаемый расчет таков: 1 линейный бу принимается равным 1 кэн (間); 1 кв. кэн составляет 1 цубо; таким образом 360 кв. кэн (30×12) составляет 360 цубо, что дает — при 1 цубо равном 3.3 кв. м — 1188 кв. м, или почти 12 ар. 1 тё в таком случае в то время составляло почти 1.2 га.

2) При исчислении налога применяются особые меры «соку» и «ха», причем 1 соку считается равным 10 ха. Сколько зерен дают 2.2 соку, сдаваемые в виде налога, сказать трудно; по предположительному подсчету в переводе на современные меры они могут дать до 1 то 1 сё (1.1 то) зерна, т. е. 19.8 л (несколько более 5 гарнцев). По старинному исчислению 1 «ха» составляет три полных пригоршни зерна.¹

Еще труднее определить, какой процент составлял 2 соку 2 ха налога по отношению к урожаю. Это зависит от того, что считать средним урожаем в то время. Проф. Утида предполагает, что средний урожай с 1 тан равняется 72 соку.² Если так, то 2.2 соку налога составляют несколько более 3% урожая. Однако, если это и верно вообще, то исключительно в приложении к самой лучшей земле, к так наз. дзёдэн (上田) — земле 1-го разряда. Все же пахотные угодья подразделяются на три основных разряда — высший (上), средний (中) и низший (下), причем каждый из этих разрядов в свою очередь распадался на три категории — первую, вторую и третью. Таким образом получалось уже не три разряда, а девять. Деление на разряды обуславливалось качеством почвы и цифрой возможного урожая, поэтому если 2.2 соку составляли 3% по отношению к урожаю с поля самого высшего разряда, то этот процент в дальнейшем повышался соответственно понижению разряда земли.

В 3-м году Кэйун (706) размеры налога были изменены: с 1 тана полагалось сдавать 1.5 соку. Однако, по мнению проф. Утида, как-будто бы снижение ставки налога было лишь видимым: цифра 1.5 появилась в результате изменения размера соку, и в абсолютных цифрах 1.5 нового соку равнялись 2.2 прежнего.³ Отсутствие фактических изменений усматривается и из того, что средний урожай с лучшего поля стал исчисляться не в 72 соку, как раньше, а в 50 соку. Вряд ли за несколько лет (между 701 и 706 гг.) могло произойти такое устойчивое падение урожайности, чтобы закон должен был его зафиксировать. Скорее всего произошли изменения в системе мер, и новые 50 соку, вероятно, есть те же прежние 72 соку. Но даже независимо от этого процент налога — и при этих цифрах — остается прежним: 1.5 соку составляют только 3% от 50.

Ст. 3. 1) Размер подушного надела, согласно этой статьи, устанавливается, следовательно, в 2 тана, т. е. в 720 цубо, или, иначе, — 0.24 га для мужчин, 1 1/Х тан, т. е. в 480 цубо, или иначе в 0.56 га для женщин. Однако этот размер был лишь общей нормой; на практике он мог меняться в зависимости от двух условий:

- а) Если при наличии густого населения, земель для раздачи наделов в требуемом размере не хватало, разрешалось давать меньше установленной нормы.
- б) Если земля была несколько плохого качества, что могла давать жатву только через год, т. е. была так наз. экидэн (易田), размер надела увеличивался вдвое.

¹ См. Hotta, Kokushi shinjiten, Shōwa 6, p. 1363.

² Uchida Ginzō. Op. cit., p. 309.

³ Uchida Ginzō. Op. cit., 309—310.

О том, что эти правила соблюдались, свидетельствуют многочисленные примеры получения увеличенных наделов, проводимые в Руйдзю сандайкаку (кн. XV) для провинций Харима, Кōти и Идзумо.

2) Необходимо отметить, что в позднейшие времена бывали случаи частичного изменения установленной земельным законом Тайхōрē нормы подушных наделов. Так, например, в правление Сэйва в 15 году Дзёкан (873) при раздаче наделов в пров. Тикудзэн были введены дифференциальные нормы: для мужчин, подлежащих рабочей повинности — 3 тана 29 бу, для не подлежащих этой повинности — 2 тана, для женщин — 1 тан (Сандай дзицуроку, кн. XXIV, статья от 17 III 15 г. Дзёкан). В правление Кōкō в 1-м году Нинна (885) при распределении наделов в пров. Тоса мужчинам в возрасте от 21 до 60 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в полном объеме, давали 4 тана; мужчинам в возрасте от 61 до 65 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в половинном объеме, давали 2 тан; столько же давали и не достигшим полного совершеннолетия, т. е. мужчинам от 17 до 20 лет, также не подлежащим рабочей повинности в полном объеме; мужчинам, вообще не несущим рабочей повинности, т. е. до 17 лет и престарелым от 66 лет, а также нетрудоспособным по болезни или в связи с физическим недостатком, давали 1 тана; женщинам же только 50 бу (Сандай дзицуроку, ст. от 27 XII 1 г. Нинна). Из этих мероприятий видно, что правительство в политике наделов стремилось пойти по другому пути: оно хотело исходить из принципа трудоспособности и подлечения рабочей повинности, а не из принципа простого наличия «душ». Полностью от этого прежнего принципа оно, конечно, не могло отказаться, и наделы получали и не подлежащие рабочей повинности, но особая ориентация на привлекаемых к этой повинности сказывается в введении для них увеличенных наделов. Надо сказать, что и сам земельный закон Тайхōрē также частично стоит на точке зрения предпочтений, отдаваемых тем, кто привлекается к рабочей повинности, но проявляет это только в том, что обязывает давать таким лицам наделы в первую очередь (см. ст. 24). Возможно, что в таких тенденциях сказывается отчасти влияние принципа, лежащего в основе надельной системы Танской империи, которая была построена на принципе трудоспособности.

Однако все случаи изменения норм наделов сравнительно с постановлениями кодекса Тайхōрē представляют собою явление временное и вводимое только для некоторых районов. В основном, нормы, указанные в земельном законе Тайхōрē, оставались без изменения.¹

3) Закон не указывает, какие поля предоставлялись в качестве наделов — водные или сухие. Однако по косвенным данным можно с уверенностью сказать, что наделы состояли из водных полей. Это видно хотя бы из того, что случаи наделения сухими полями особо отмечаются. Так, например, в Энгисики (кн. XXII) говорится: «в провинциях Ямасито и Ава при распределении полей давали и сухие и водные поля». Это объяснялось, видимо, тем, что водных полей там нехватало.

Ст. 5. 1) В этой статье речь идет о должностных наделах только высших должностных лиц центрального правительства. О должностных наделах чинов провинциальной администрации говорят ст. 31 и 32. Эти две категории наделов различаются и по названию: сикидэн (職田) — для первых, сикибундэн (職分田) — для вторых.

2) Большинство комментаторов дополняют эту статью указанием на то, что при лишении чина (官) или увольнении от должности (職) должностной надел у этих высших категорий чинов отбирается не полностью, а лишь наполовину.²

Ст. 6. 1) Поколения исчисляются, начиная от сына, т. е. сам владелец надела в счет не идет.

2) Статья не дает указаний на размеры этих наделов. Однако из исторических примеров некоторое представление о возможных размерах таких наделов иметь можно.

¹ Uchida Ginzō. Op. cit., p. 141—142.

² Taihōryō shinkai, p. 244.

Так, например, одному из главных участников переворота Тайка (645 г.) — Фудзивара Каматари — было предоставлено в вечное пользование 100 тѐ, т. е. около 120 га.

3) Согласно комментарию, дополняющему этот закон, при наличии у владельца надела нескольких наследников они делили между собой отцовский надел поровну.

Ст. 7. Статья имеет в виду обеспечение земель прежде всего постоянных жителей данной местности и в частности запрещает предоставление земли иммигрантам, а также раздачу ранговых и должностных наделов в тех районах, где и так земли даже для местного населения нехватает. Впрочем, оговорка относительно императорского указа открывает полную возможность это общее правило нарушать.

Ст. 8. 1) Отобрание наделов по случаю увольнения с должности или разжалования в ранге не было, однако, абсолютным: через три года надел выдавался снова, только в уменьшенном на две ступени по табели рангов размере. Например, лицо, бывшее раньше в старшей степени III ранга и имевшее тогда надел в 40 тѐ, теперь получало надел соответственно первому классу старшей ступени IV ранга, т. е. 24 тѐ.¹

2) Очередное распределение наделов производилось раз в 6 лет.

Ст. 11. Термин «казенная» (или государственная) земля (кōдэн 公田) имеет двойное значение. В общем смысле это название применяется ко всему земельному фонду страны, поскольку, согласно основному принципу всей надельной системы, вся земля считалась собственностью государства. В узком же смысле этот термин прилагался к казенным землям в точном смысле этого слова, т. е. к землям, остающимся в руках государства после удовлетворения наделом всех, кому их надлежало выдать. Иначе говоря, в последнем случае этот термин означал свободный государственный фонд пахотной земли, так наз. «земельные излишки» (амарида 剩田 или 乘田). В данной статье имеются в виду именно такие земельные излишки.

Эти излишки можно было, как гласит статья, сдавать в аренду. Однако условия аренды из статьи полностью не явствуют.

Первый вопрос — о формах аренды. Повидимому, их было две: одна — с платой наперед, весной, до посева (賃) и вторая — с платой осенью, после сбора урожая (租). Это означало, что можно было покупать право обработки земли, не ставя эту покупку в связь с урожаем, и можно было получить землю с отдачей части урожая. К тому понятию аренды, которое установилось впоследствии, ближе подходит, конечно, вторая форма. Второй вопрос — об арендной плате. Сама статья ограничивается указанием, что нужно сдавать «по ценам, существующим в данной местности». Утида по этому поводу говорит, что арендная плата в таких случаях значительно превосходила обычный земельный налог.² Исторический словарь Хотта дает справку относительно второго вида аренды и указывает, что основная ее ставка была равна 20% урожая. Для земель «высшей категории» (上田) это составляло 100 соку, для земель «средней категории» (中田) — 80 соку, для «низшей категории» (下田) — 60 соку, для «самой низшей» (下下田) — 30 соку.³

Третий вопрос — о сроках аренды. Общее мнение только, что срок был тот же, что и при аренде частных земель, т. е. 1 год.⁴

Ст. 12. Примеры таких пожалований: в 798 г. принцу 3-го ранга Асахара было пожаловано 250 тѐ в пров. Этиго (см. Нихонги-ряку, под 17 г. Энряку); в 878 г. принцу Моси было пожаловано 100 тѐ «заброшенных земель» (арэта) в уезде Харима пров. Микава (см. Сандай-дзицуруку). Повидимому, эти земли жаловались на правах пожизненного надела (иссиндэн — 身田).⁵

¹ Taihōryō shinkai, p. 246.

² Uchida Ginzō. Op. cit., p. 314.

³ Hotta. Kokushi shinjiten, изд. 6 г. Shōwa, стр. 957.

⁴ Hotta. Op. cit., p. 957.

⁵ Taihōryō shinkai, p. 248.

- Ст. 15. Садовые участки отводятся специально для разведения тутовых и лаковых деревьев. Правило о возвращении в казну не применяется, если из состава семьи сохраняется хотя бы одно лицо. Вместе с тем, согласно ст. 19, эти участки можно было передавать в аренду, или даже продавать другим лицам.
- Ст. 18. Под понятием «государева служба» (主事) в эту эпоху обычно понимается либо дипломатическое поручение, либо отправление в поход. В случае отсутствия сына надел предоставляется совместно живущим родственникам — не ниже 5 степени родства.
- Ст. 19. Тайхōрē синкай в примечании к этой статье¹ полагает, что под полями, сдаваемыми в аренду», надо понимать свободные земли, т. е. те излишки, оставшиеся после распределения наделов, о которых говорится в ст. 11. При таком толковании эту статью 19 необходимо считать непосредственным дополнением ст. 11. Появление же этой темы во второй раз нужно, видимо, объяснить в таком случае тем, что в первый раз в ст. 11 не был указан срок аренды; теперь же он дается — 1 год.

Согласиться с таким толкованием, как мне кажется, совершенно невозможно. Если бы срок в 1 год, указываемый в данной статье, относился только к аренде казенной земли, естественно было бы ожидать приведения его в той статье, где об этой аренде говорится, т. е. в ст. 11. С другой стороны, общий контекст статей, примыкающих к данной 19 статье, не дает никаких поводов сближать ее со статьей 11, так сказать, через голову всех промежуточных статей: все статьи, начиная с 12, говорят о наделах и других угодьях, предоставляемых населению; таковы же и ближайшие последующие статьи. Таким образом, общая композиция текста закона не оправдывает сближение ст. 11 со ст. 19. Кроме того, сближение это невозможно в силу простейшего юридического анализа обеих статей. Ст. 11 говорит о правах правителей провинций и их действиях; ст. 19 говорит о правах населения и основанных на этих правах действиях. Поэтому сближение статей 11 и 19 является совершенно исключенным. Толкование Тайхōрē синкай основано, очевидно, на априорном недопущении возможности для населения сдавать свои пахотные участки в аренду.

На прямо противоположной позиции стоит проф. Утида. Он утверждает, что пахотные земли не только могли сдаваться в аренду, но и продаваться. Об этом говорит, по его мнению, ряд источников. Так, например, в указе Дадзёкана от 2 IV 8 г. Кампэй (896), приводимом в Руйдзю сандайкаку, прямо сказано: «Если кто-нибудь из населения продаст или покупает подушные наделы, или же кто-нибудь из лиц первых 5 рангов сдает в аренду свои ранговые или должностные наделы, то должно обращаться в провинциальное или уездное управление, и согласно закону, получать билет, удостоверяющий срок аренды.² Форма реестров, проводимая в Энгисики (кн. XXV), также предусматривает как продажу-покупку, так и сдачу надельных земель в аренду. Земельный закон Тайхōрē, однако, нигде ни одним словом не упоминает о продаже надельных земель. Более того, именно там, где об этом могло быть сказано, в той самой статье, которая перечисляет права населения в отношении наделов, о продаже говорится только в отношении садовых участков. Выше ст. 17 устанавливает это право и в отношении усадебной земли. Кроме того, самый дух кодекса не может допустить продажи надельной земли. Пока существовала надельная система, продажа не была возможна и фактически, так как в известных случаях надельную землю нужно было сдавать в казну. О том, что такую сдачу закон безусловно имел в виду, свидетельствует наличие специальных указаний о порядке этой сдачи в ст. 22. Исходя из всего этого, согласиться с проф. Утида, что продажа допускалась самим законом Тайхōрē, никак нельзя. Наличие же в цитируемых им источниках указаний на факт продажи необходимо объяснить совершенно иначе. Утида делает чисто историческую ошибку: он не принимает в расчет то, к какому времени относятся его материалы:

¹ Taihōryō shinkai, p. 251—252.

² Uchida Ginzō. Op. cit., p. 148.

указ Далзёкана относится к 896 г., Энгисики относится к 901—922 гг. Иначе говоря, факты, приводимые этими источниками, свидетельствуют только о том, что в самом конце IX в. и в начале X в., т. е. через 250—300 лет после введения надельной системы, если считать годом ее введения год указа 2-го года Тайка — 646 г., — и через 200—250 лет после земельного закона Тайхōрē (701 г.) существовали факты продажи. Но как нам хорошо известно, к началу X в. надельная система фактически уже не существует. Последнее упоминание о ней мы встречаем в годы Энги (901—922), и это означает, что надельная система в эти годы не начала расшатываться, а уже фактически заканчивала свое существование. Поэтому официальные документы той эпохи должны отражать и отражают факты, характерные для распада системы, а не для ее нормального существования. Поэтому мнение, что продажа надельных участков разрешена самим законом Тайхōрē, должно быть отвергнуто по всем основаниям — юридическим и историческим.

Продажа же садовых участков была разрешена и это вполне оправдывается юридически. Право на эти участки отличалось от права на пахотные участки: в первом случае это право было наследственным и бессрочным, кончаясь вместе с исчезновением всего двора в целом, т. е. с превращением этих участков в выморочное имущество; иначе говоря, фактически оно совпадало с правом владения. Поэтому, естественно, закон должен был допустить право их продажи. На пахотные же угодия было распространено только право сдачи в аренду — и притом на самый ограниченный срок: на 1 год. Решительная оговорка закона относительно срока как раз показывает, насколько отличилась аренда этих земель от обычной аренды. Не допустить ее вовсе было невозможно, так как приходилось считаться с тем, что в известных случаях владелец пахотного надела мог оказаться не в состоянии сам обработать всю землю, хотя бы в силу временной утраты трудоспособности. Разрешить же аренду на неопределенный срок означало открыть путь ко всем сделкам на землю, открыть возможность скопления земель в одних руках, против чего по своему юридическому замыслу и был направлен земельный закон Тайхōрē. И насколько строго закон хотел бороться с долгосрочной арендой свидетельствует постановление «Уложения о наказаниях» (律), которое налагает кару за сдачу в аренду сверх годичного срока. В Рё-но сёкай есть место,¹ где говорится, что всякому, кто сдает в аренду свою надельную землю на срок свыше года, полагается 10 ударов бича за каждый сданный тан. Исходя из всего этого, следует признать, что фраза «поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в 1 год» говорит, во-первых, о том, что закон предоставляет владельцам пахотных наделов право сдачи их в аренду; во-вторых, о том, что срок этой аренды был ограничен незначительным временем. Поскольку сейчас же вслед за этим говорится, что садовые участки можно было не только сдавать в аренду, но и продавать, следует, что пахотные надельные участки продавать было нельзя.

Ст. 21. 1) Согласно комментарию Рё-но гигэ, а также Рё-но сёкай распределение наделов раз в 6 лет отнюдь не означало всеобщего передела. Дело сводилось лишь к отобранию наделов умерших и предоставлению наделов на детей, достигших 6-летнего возраста, равно как и к возмещению всяких земельных потерь, могущих возникнуть по стихийным причинам — в результате обвалов, размывов и т. п. Это свидетельство комментариев подкрепляется тем обстоятельством, что когда по каким-нибудь причинам случалось прибегать ко всеобщему переделу, то это отмечается особо, как исключение. Так, например, особо отмечен в истории один такой передел, произведенный в правление Сёму в 1 году Тэмпё (729). С другой стороны, хорошо известен факт несоблюдения 6-летнего срока вообще. В некоторых местностях отобрание наделов умерших и прирезка наделов на долю детей не производилась по несколько десятков лет: по 30, 40, 50 и даже 60.² Иногда это запаздывание с пересмотром наделов даже узаконялось

¹ В тексте 戶婚律, помещенном в 令集解.

² Uchida Ginzō. Op. cit., p. 143—144.

Так, например, в 20 г. Энряку (801) срок передела был установлен раз в 12 лет; в 3 г. Дайдō (808) опять вернулись к 6-летнему сроку. Однако практически в течение 19 лет — с 810 по 828 г. пересмотр наделов не производился ни разу. В 1 г. Сёва (834) снова вернулись для области Кинай и указу 801 г., т. е. к 17-летнему сроку, но и этот срок также не соблюдался: в течение 37 лет, с 844 по 881 г., в Кинай ни разу пересмотра наделов не было. Та же картина наблюдалась и в других частях страны. В Сандай дзицуроку в записи от 16 III 4 г. Гэнкэй (880) указывается, что в Тикуго уже более 30 лет переделов не производилось; в записи от 14 III 5 г. Гэнкэй (881) упоминается, что в Хидзэн пересмотра наделов не было уже 40 лет. В годы Энги (901—922) пересмотр кое-где производился, но после Энги никаких свидетельств о производимых наделах уже нет. По мнению автора XIV в. Китабатакэ Тикафуса максимальное развитие надельной системы относится к правлению Ниммё (834—850),¹ но вернее думать, что первые признаки упадка этой системы начали обнаруживаться уже в конце VIII столетия, уже через несколько десятков лет после указа 743 г., декретировавшего право собственности на «новые поля», а указ 801 г. должен считаться юридическим отражением начала этого упадка. К началу же X столетия эта система уже почти окончательно умирает, сохраняясь кое-где в качестве последних остатков отмирающей формы. По свидетельству одного источника² «составление подворных реестров и распределение земель прекратилось со времен мятежа годов Сёхэй-Тэнкэй (935—940)». С этим придется, вероятно, согласиться, потому что мятеж Тайра Масакадо, который имеет в виду этот источник, действительно свидетельствует о том, что страна уже начала переходить на другие пути социально-экономического развития.

2) Пункт этой статьи, говорящий о землях синтоистских и буддийских храмов, имеет очень важное значение, поскольку устанавливает наличие еще одной категории земель — монастырских. Эти земли находятся на особом положении: они не подлежат пересмотру через каждые 6 лет, или в какие-нибудь иные сроки. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что они не были облагаемы налогом и поэтому не входили в общий распорядок надельной системы. Единственное, что закон делал, это ставил препятствия росту этих земель за счет надельных участков: к этому направлена ст. 26, запрещающая должностным лицам и простому населению продавать или жертвовать свои надельные земли монастырям.

Ст. 24. По кодексу Тайхōрё каждый совершеннолетний мужчина обязан был отработать государству 10 дней в году. Разрешалось взамен этой отработки вносить дополнительный налог (так наз. «заменный налог» 代納) тканями — шелковыми или холстом (см. раздел X. Закон о повинностях, ст. 4).

Ст. 26. Ср. указ 18 г. Тэмпё (746), запрещающий монастырям скупать и обращать в свою собственность земли населения — «новые поля» (кондэн) и садовые участки. На продажу рабов и рабочего скота это запрещение не распространялось.

Ст. 27. По Тайхōрё синкай наделы государственных рабов всех категорий не подлежали обложению налогом, наделы же частных рабов облагались на общих основаниях. Это различие вызывается, по всей вероятности, тем, что поскольку государственные рабы составляли собственность государства, постольку и все, что они производили, также принадлежало государству и никакого особого обложения для них поэтому быть не могло. Что же касается частных рабов, то поскольку они принадлежали частным лицам и их наделы входили в общую сумму надельной земли двора в целом, постольку и все, что они производили, принадлежало их владельцу, составляя часть его дохода, — постольку, естественно, что с наделов этих рабов их хозяева должны были вносить обычный налог.

¹ Kitabatake Chikafusa, Jinnō shōtoki, гл. IV, Nimmyō-tennō.

² См. Takigawa Masajirō, Nippon hōseishi, p. 128 и след.

Ст. 28. Комментарий дополняет эту статью указанием на то, что это возможно было только в том случае, если вновь образованные участки (благодаря перемене русла) находятся в пределах того же административного района.

Ст. 29. 1) Эту статью надлежит, без сомнения, поставить в связь со ст. 11. В ст. 11 впервые поставлен вопрос о «казенных землях» (кōдэн 公田), под чем в данном случае должен разумеаться свободный, оставшийся после распределения наделов фонд пахотной земли, уже находившейся под обработкой. В ст. 11 указывается, что правители провинций могут эту землю отдавать в аренду. Таким образом, часть этого фонда отходила к населению и обрабатывалась им. Оставшиеся земли обрабатывались казенной рабочей силой (см. ст. 34), составляя так наз. «поля, обрабатываемые государством» (кōэйдэн 公營田). Однако, повидимому, это не всегда оказывалось возможным, и некоторая часть этих земель оставалась необработанной — «заброшенной» (арэта 荒田). Именно судьбу этой части и имеет в виду настоящая статья, предоставляя населению право брать эту землю для обработки. Об условиях, на которых это можно было делать, здесь ничего не говорится, кроме указания на срок: через 6 лет такие взятые участки нужно было возвращать в казну. Возможно, что никакой арендной платы в таких случаях не взималось. И это допустимо по той причине, что рядом — во второй половине этой статьи говорится о «пустопорожних землях», которые, как мы знаем из других источников, в конечном итоге оказались свободными от всякого обложения, так что сама юридическая специфика этой статьи как будто предопределяет известную аналогию между отдачей населению заброшенных земель и пустопорожних, т. е. безвозмездно. Разница между ними все же сохранялась: первые земли нужно было через 6 лет возвращать, вторые — нет. Это же обстоятельство находит свое естественное объяснение в том, что усилия, необходимые для обработки хоть и заброшенных, но все же уже поднятых земель, были значительно меньшими, чем те, какие нужно было затрачивать для подъема целины. Поэтому эту целину закон предоставлял желающим для обработки без указания срока, говоря об ее отходе в казну лишь в том случае, если обрабатывающий ее сам бросит.

2) Второй пункт, касающийся пустопорожних земель (кūkанти 空閑地 или акити 明地) имеет особо серьезное значение, поскольку именно это место закона открывает путь к фактическому присвоению земли: получение земли в бессрочное пользование по существу приближалось к владению, что и пришлось в дальнейшем признать официально (указы 723 и 743 гг.); наметившееся же при этом освобождение этих участков от всех налогов делало этот способ присвоения земли наиболее выгодным, что и сказалось во всеобщем стремлении захватить себе эти «новые поля», как они назывались (кондэн 墾田).

Ст. 34. Речь идет о системе распределения доходов при смене администрации, практикуемой по закону периодически (через 4 и 6 лет).

Ст. 36. «Правительственные поля» — это земли, сбор с которых идет на содержание двора в Киото. Этим объясняется и то, что все такие участки организуются в районах, ближайших к столице — в Кинай. Находятся они в ведении министерства двора (Кунайсё). Обрабатываются эти земли призываемыми к рабочей повинности в порядке «разных работ» (雜徭).

Ст. 37. Свободные (от сельскохозяйственных работ) месяцы: январь, февраль, октябрь, ноябрь, декабрь.

КОДЕКС ТАЙХОРЁ

РАЗДЕЛ XV

Закон о жалованьи

Ст. 1. Военные и гражданские чины в столице, а также чиновники Дадзайфу, Ики и Цусима получают жалованье соответственно своему посту и рангу. Лицам, прослужившим с 8-й луны до 1-й луны не менее 120 дней, выдается весенне-летнее жалованье.

Состоящие в I ранге — старшей или младшей степени получают: 30 хики шелковой материи (紵), 30 дзюн шелковой ваты (綿), 100 тан холста (布), 140 штук мотыг (кува, суки 鋳); состоящие во II ранге ст. и мл. степени получают: 20 хики шелковой материи, 20 дзюн шелковой ваты, 60 тан холста, 100 мотыг; состоящие в III ранге ст. степени получают: 14 хики шелковой материи, 14 хпки шелковой ваты, 42 тан холста, 80 мотыг; состоящие в III ранге мл. степени получают: 12 хики шелковой материи, 12 дзюн шелковой ваты, 36 тан холста, 60 мотыг; состоящие в IV ранге ст. степени получают: 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 22 тан холста, 30 мотыг; состоящие в IV ранге мл. степени получают: 7 хики шелковой материи, 7 дзюн шелковой ваты, 18 тан холста, 30 мотыг; состоящие в V ранге ст. степени получают: 5 хики шелковой материи, 5 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в V ранге мл. степени получают: 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в VI ранге ст. степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюна шелковой ваты, 5 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VI ранге мл. степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюна шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VII ранге ст. степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VII ранге мл. степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VIII ранге ст. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в VIII ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 10 мотыг; состоящие в IX ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 10 мотыг; состоящие в IX ранге мл. степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 5 мотыг. [Домоуправители (принцев и сановников первых трех рангов) получают на одну степень меньше. Заведующие обучением сюда не относятся. Осенне-зимнее жалованье выдается в том же порядке.]

Ст. 2. Жалованье на весну-лето выдается в первой декаде 2-й луны. [Взамен 1 дзюн шелковой ваты выдается 1 ку шелка-сырца]. Жалованье на осень-зиму выдается в первой декаде 8-й луны. [Взамен 5 мотыг выдается 2 тё железа.]

- Ст. 3. Чины дворцовой стражи, а также служащие по особому назначению императора в правительственных учреждениях особо талантливые лица получают сезонное жалование соответственно нормам, установленным в этих учреждениях для чинов IV разряда и ниже. [Чины IV разряда и выше получают по III разряду; прочие — по IV разряду.]
- Ст. 4. Лица, состоящие в должностях «гё» и «сю», получают сезонное жалование соответственно своей должности. Если одно лицо совмещает несколько чинов, он получает жалование соответственно высшему из его чинов.
- Ст. 5. Если лицо, коему надлежит произвести выдачу жалования, окажется привлеченным к судебной ответственности за проступок, наказуемый лишением чина, выдача жалования ему задерживается вплоть до окончания разбирательства, хотя бы дело его еще не было рассмотрено. Жалование выдается лишь по рассмотрении дела (в случае, если данное лицо окажется невиновным). При совершении проступков, относящихся к категории «высшей степени низшего разряда частных преступлений», а также относящихся к категории «средней степени низшего разряда государственных преступлений», отбирается полугодовое жалование.
- Ст. 6. Вновь назначенным должностным лицам выдается начальное жалование, даже если и не прошло полного числа дней.
- Ст. 7. При отобрании (за проступки) жалования, в случае, если отобранию подлежит полугодовое жалование, оно должно быть внесено в течение 60-дневного срока; если отобранию подлежит годовое жалование, оно должно быть внесено в 120-дневный срок. Если в течение этих сроков последует помилование, или же провинившийся особым указом будет восстановлен в своей должности, обязательство вернуть жалование с него снимается. При выдаче жалования таким восстановленным надлежит исходить из расчета со дня восстановления в должности.
- Ст. 8. Если военные чины в течение 6 месяцев будут иметь не менее 80 суток круглосуточной службы, им выдается жалование. При этом состоящие в ранге в отношении жалования приравниваются к высшему классу IX ранга, не состоящие в ранге приравниваются к низшему классу IX ранга.
- Ст. 9. При выдаче жалования дворцовым чинам сёдзё приравниваются к III рангу ст. степени, сёдзэн и сёхё — к IV рангу ст. степени, тэндзё — к IV рангу мл. степени, сёси (найси-но ками), тэндзэн, тэнхё — к V рангу мл. степени, сёсю — к VI рангу ст. степени, сёсё, сёяку (кусури-но ками), сёдэн, тэндзи — к VI рангу мл. степени, сёхё, сёи — к VII рангу ст. степени, сёсё, сёсуй, сёдзё, сёдзи — к VII рангу мл. степени, сёдзэн сёхё — к VIII рангу ст. степени, тэнсё, тэн'яку, тэнхё, тэнъи, тэндэн, тэнсё, тэнсуй, тэнсю — к VIII рангу мл. степени; прочие лица, выполняющие разные службы (но не состоящие в чине), а также лица, состоящие в ранге (но не имеющие должности) — приравниваются к мл. степени; лицам, не состоящим в ранге, жалование уменьшается на один тан холста. [Все правила выдачи и отобрания имеют в виду мужчин].
- Ст. 10. Кормовые пожалования (食封 дзикифу) получают: старшие принцы 1-й степени — 800 дворов, ст. принцы 2-й степени — 600 дворов, ст. принцы 3-й степени — 400 дворов, ст. принцы 4-й степени — 300 дворов [младшие

принцы получают в половинном размере]; дадзёдайдзин — 3000 дворов, садайдзин и удайдзин — 2000 дворов, дайнагон — 800 дворов.

Состоящие в I ранге ст. степени получают 300 дворов; в I ранге мл. степени — 260 дворов; состоящие во II ранге ст. степени — 200 дворов; во II ранге мл. степени — 170 дворов; состоящие в III ранге ст. степени — 130 дворов; в III ранге мл. степени 100 дворов. Состоящие в IV и V ранге кормовых пожалований не получают. Вместо них они получают: состоящие в IV ранге ст. степени — 10 хики шелковой материи, 10 дзюн шелковой ваты, 50 тан тонкого холста, 360 дзё грубого холста; состоящие в IV ранге мл. степени — 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 43 тан тонкого холста, 300 дзё грубого холста; состоящие в V ранге ст. степени — 6 хики шелковой материи, 6 дзюн шелковой ваты, 36 тан тонкого холста, 240 дзё грубого холста; состоящие в V ранге мл. степени — 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 29 тан тонкого холста, 180 дзё грубого холста (женщины получают половину). Лицам, без достаточных оснований не приступающих к исполнению обязанностей в течение двух лет, эти выдачи приостанавливаются. На личные расходы (расходы по туалету) императрицы отводится 2000 дворов. На разные нужды наследного принца в год выдается 300 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 мотыг, 500 тё железа.

Ст. 11. Члены императорского дома, начиная с 13 лет, все получают материал для одежд по сезону: весной — 2 хики шелковой материи, 2 ку шелка-сырца, 4 тан полотна, 10 мотыг; осенью — 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 6 тан полотна, 4 тё железа. [Принцы, имеющие кормилец, получают 4 хики шелковой материи, 6 ку шелка-сырца, 12 тан холста.]

Ст. 12. Придворные дамы, начиная с камерфрейлины императора, получают сезонные выдачи соответственно своему рангу. В качестве выдачи за весну-лето получают: вторая императрица (хи) — 20 хики шелковой материи, 40 ку шелка-сырца, 60 тан полотна; третья императрица (фудзин) — 18 хики шелковой материи, 36 ку шелка-сырца, 54 тан холста; камерфрейлина императора (хин) — 12 хики шелковой материи, 24 ку шелка-сырца, 36 тан холста. [Если данное лицо совмещает несколько должностей, оно получает по совокупности. Осенне-зимние выдачи производятся в том же порядке. Шелк-сырец можно заменять шелковой ватой.]

Ст. 13. Если лицо, состоящее в V ранге и выше и получившее за заслуги кормовые пожалования, умрет, эти пожалования в случае «великих заслуг» в уменьшенном наполовину количестве передаются его потомкам на три поколения; в случае «больших заслуг» — в уменьшенном на $\frac{2}{3}$ количестве передаются на 2 поколения; в случае «средних заслуг» — в уменьшенном на $\frac{3}{4}$ количестве передаются сыну; в случае «малых заслуг» эти пожалования потомкам не передаются.

Ст. 14. Буддийские храмы не получают кормовых пожалований. Однако при наличии особого императорского указа настоящего закона не придерживаются. [В этих случаях кормовые пожалования даются на срок не свыше 5 лет.]

Ст. 15. Всякое предоставление особых кормовых пожалований, или предоставление их в увеличенном количестве — не по нормам данного закона — производится путем особого императорского указа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 1. 1) Слово «арагину» (紵), переводимое здесь широким понятием «шелковая материя», означает в действительности лишь определенный сорт шелковой материи, близкий к современной «цумуги». По своему качеству и стоимости этот сорт идет сейчас же вслед за «кину», под чем разумеется, повидимому, белый хабутаэ (атлас?).

2) Слово «мэн» (綿) соответствует современному «мавата», что в настоящее время означает «шелковая вата».

3) Слово «нуно» (布) означает ткань, выделяваемую из пеньки, поэтому для перевода взято русское слово «холст».

4) Иероглиф (金秋), передаваемый здесь русскими «мотыга», может в действительности употребляться и в значении «мотыга» (с чтением «кува») и «кирка» (с чтением «сукп»). По сути дела различие между той и другой заключается не в разнице функций, а в способе употребления: мотыгой работают «к себе», киркой «от себя» (см. Кокогаку-дзасси, IV том, № 5, статья Танака Сакудзиро).

5) Хики (疋) — мера длины для измерения шелковых тканей = 5 дзё 2 сяку.

6) «Дзюн» (屯) — мера веса для взвешивания шелковой ваты = 2 кин (320 моммэ).

7) «Тан» (端) — мера длины для измерения холста, по величине равна «хики» (5 дзё 2 сяку).

Ст. 2. 1) «Ку» (綯) — единица веса для взвешивания шелка-сырца = 1 кан (10 моммэ).

2) «Тё» (廷) — единица веса = 10 кан (1 кан 600 моммэ).

Ст. 3. 1) Русским словом «чины дворцовой стражи» передано японское «утоэри» (内舍人), поскольку они несли охрану дворцовых помещений.

2) «Чины III разряда», собственно — в тексте стоит обозначение должности — «ханган» (判官). В виду того, что должность «ханган» имела во многих ведомствах с несколько различными функциями (в основе — судебные функции, функции контрольно-административные, полицейские), а также в виду того, что здесь она берется с точки зрения своего разряда, каковым был IV разряд, в переводе она так и передана: «Чины IV разряда».

3) По тем же соображениям взяты как разряды должности обозначения: сютэн (主典) — чины IV разряда; сёханган (少判官) — чины III разряда; дай-сютэн (大主典) — чины IV разряда.

Ст. 4. В этой статье речь идет о тех случаях, когда ранг и должность не совпадают, т. е. когда ранг высокий, а должность — сравнительно незначительна (как, например, в случае «гё» 行), или когда ранг небольшой, а пост крупный (как, напр., в случае «сю» 守). Об этих служебных званиях см. Закон о должностях.

Ст. 5. О различных видах преступлений см. Кодекс Тайхорё, раздел XIV, ст. 56, а также раздел XXIX, ст. 27.

Ст. 9. Номенклатура чинов и должностей в Тайхорё отличается исключительной сложностью, в виду чего дать здесь объяснение их не представляется возможным, а для целей данной работы — и не нужно.

Ст. 10. Статья исключительной важности, поскольку она устанавливает по существу новый вид надела — землю вместе с крестьянским двором. Такое предоставление двора носит название Фуко (封戸). Само же предоставление именуется дзикифу (食封). Соответственно положению тех лиц, коим такие дворы придаются, такое предоставление делится на следующие виды:

- 1) Хомпу (品封) пожалования принцам.
- 2) Ифу (位封) ранговые пожалования (особам трех высших рангов).
- 3) Сикифу (職封) должностные пожалования.
- 4) Кōфу (功封) — пожалования за заслуги.
- 5) Гонфу (權封) — храмовые пожалования.

Как выясняется из ст. 13 и 14 к этим трем видам необходимо добавить еще два:

- 4) Кōфу (功封) — пожалования за заслуги.
- 5) Гонфу (權封) — храмовые пожалования.

Новая мера длины, проводимая в этой статье, — дзё (常) равняется 1 дзё (丈) 6 сяку (尺).
